

Александр Михайловский
Александр Харников

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РУБЕЖ

ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 2

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

**Петербургский рубеж.
Внутренний фронт**

«Автор, Автор»

2021

Михайловский А. Б.

Петербургский рубеж. Внутренний фронт /
А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2021 — (Ангелы в
погонах)

В скоротечной войне, к которой так привычны пришельцы из двадцать первого века, японские армия и флот потерпели сокрушительное поражение, Страна восходящего солнца стиснута морской блокадой и находится на грани капитуляции. Но все происходящее активно не нравится тем, кто выходил и вскормил азиатского тигра, поскольку Россия в результате их комбинации не ослабла, а невероятно усилилась. Маленькая победоносная война сделала царя Николая дерзким и самоуверенным. И ответ на это со стороны британского правительства, охраняющего интересы банкиров Сити, конечно же, непременно воспоследует. Строить коварные планы и добиваться их исполнения в Лондоне умеют хорошо. Но обитатели здания на Даунинг-стрит еще не знают, что против них играют профессионалы из двадцать первого века. Назревает грандиозная схватка бульдогов под ковром... Война на внутреннем фронте России уже идет, но теперь ставки в ней выросли многократно. Узнайте, на что готовы пойти наймиты иностранного капитала ради достижения своих целей и каков будет результат невидимого сражения на Петербургском рубеже.

Содержание

Часть 5. Тихоокеанский дебют	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Михайловский, Александр Харников Петербургский рубеж. Внутренний фронт

Часть 5. Тихоокеанский дебют

19 (6) февраля 1904 года, Полдень, Цусимский пролив. Борт ракетного крейсера «Москва».

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Итак, кажется, начинается высокая политика. Два дня назад командир авианосного крейсера «Адмирал Кузнецов» сообщил мне, что к Чемульпо прибыл германский крейсер «Ганза» с пожеланием установить контакт с командованием нашей эскадры. Германская разведка, как всегда, на высоте, а мы по ходу дела, похоже, сильно наследили. Во время отлива лежащий на боку крейсер «Асама» почти до половины выступает из воды, напоминая дохлого, обглоданного песцами кита (приходилось видеть такое на Севере). И любому специалисту ясно, что повреждения, которые он получил, не могли быть нанесены ни одним из известных в этом времени видов оружия. Опять же, БМП нашей морской пехоты – штука, применение которой совершенно невозможно скрыть от посторонних глаз. Сейчас, когда автомобили делают только первые робкие шаги, БМП – это из области фантастики.

Но я никогда не пошлю своих бойцов против врага, многократно превосходящего числом, не обеспечив для них соответствующего технического превосходства. Даже в нарушение секретности. И вот, по результатам всего этого, первыми всполошились немцы. Англичане, конечно, тоже не прочь сунуть нос к нам – но они не дураки и понимают, что при нынешних англо-русских отношениях предложенный нами пеший эротический маршрут будет весьма продолжительным.

С немцами же у нас отношения вроде неплохие, почти дружеские. Мешает только наш союз с Францией, и их – с Австрией. Но это так, политика будущего.

Итак, сегодня мне предстоит встретиться с Оскаром фон Труппелем, губернатором немецкой – точнее, как принято здесь говорить, германской – колонии Циндао. Наш самолет-разведчик во время планового облета акватории еще на рассвете засек германский крейсер на расстоянии примерно семидесяти миль от пролива. Визит этот хотя и полуофициальный, но от него будет зависеть многое. Командир «Кузнецова» капитан 1-го ранга Андреев сообщил, что герр фон Труппель везет с собой личное послание адмирала Альфреда фон Тирпица.

Конечно, за столь короткое время никакая почта не успеет дойти из Берлина в Циндао – ведь это минимум двадцать дней в один конец. Письмо, скорее всего, было передано по телеграфу и переписано потом красивым почерком штабного писаря. В эти времена школьников и в России, и в Германии еще мучили таким предметом, как каллиграфия. Крейсер «Ганза» – флагман Восточно-Азиатской эскадры, а сие означает, что этот визит если и не официальный, то вполне солидный.

В оперативном отделе со всех любителей «старинной глубокости» уже собрали информацию обо всем, что нынче по морям ходит, и даже о том, что ходить только будет. В первую очередь внимание уделялось русскому, японскому и британскому флотам. Германский флот, как нейтральный, шел по остаточному принципу. Но информация о германском крейсере «Ганза» там все же нашлась. Это корабль, по нынешним временам не очень крупный: шесть тысяч тонн водоизмещение, скорость – 19 узлов, броня – 100 мм, два орудия – 208 мм, шесть – 150 мм. В боях не был – боевая эффективность пока не известна. Наша «Москва» в два раза больше по

водоизмещению, а по вооружению так и вообще не стоит сравнивать. «Москве» эта «Ганза» – на один зубок.

Смотрю вокруг и наслаждаюсь: погода как на заказ. Море спокойное, даже солнышко выглянуло, не то что позавчера. А этот германский крейсер красивый. Белый корпус, желтые надстройки и трубы, белые орудийные башни, изогнутый форштевень с выступающим вперед тараном. Есть в старых боевых кораблях какая-то патриархальная красота...

Подношу к глазам бинокль. Полчаса назад с борта германского крейсера спустили на воду паровой катер – из его единственной трубы уже валит густой черный дым. Кажется, все: пары подняты. По парадному трапу спускаются несколько важных господ. Отдав швартовы, катер направляется к «Москве». Скорость, правда, как у портовой галоши – узлов восемьдесят. Вахтенный офицер на «Москве» свое дело знает: по правому борту уже готов трап для почетных гостей. Все же к нам направляется личный посланник самого Тирпица. По совместному заключению подполковника СВР Ильина и полковника ГРУ Бережного, за спинами фон Труппеля и Тирпица незримо маячит фигура самого кайзера Вильгельма II. И я с этим заключением согласен: художественная самодеятельность в таком вопросе у немцев никогда не приветствовалась.

Я прикинул, стоит ли звать переводчика. Ведь герр губернатор едва ли владеет русским языком, я же немецкий уже подзабыл. Хотя когда-то говорил на нем свободно, и, как отмечали мои знакомые из ГДР, даже с выраженным «берлинским» акцентом...

А все началось с того, что в конце 70-х, когда я был еще курсантом «фрунзенки», в Ленинград пришел с визитом учебный двухмачтовый парусный корабль Фольксмарине «Вильгельм Пик». Тогда-то я и познакомился с курсантом Иоганном Штраусом. Двойной тезка знаменитого венского композитора, по всей видимости, уже изрядно устал от подначек, связанных с его именем и фамилией. Во всяком случае, представляясь мне, он сразу сказал на хорошем русском: «Нет-нет, коллега, я не родственник. И даже, кажется, не однофамилец». Тогда-то мы с ним и подружились.

Иоганн был родом из Котбуса. Как он сам говорил, среди его родни были славяне-лужичане, которых, правда, сейчас в Бранденбурге осталось немного, да и большинство из них уже подзабыли свой язык. Когда он отбыл, мы стали с ним переписываться. Заодно я подналег на немецкий. К счастью, моим соседом по лестничной площадке был военный пенсионер, служивший в ГСВГ во Франкфурте-на-Одере. Он-то и помог мне освоить немецкую грамматику и произношение.

Потом мы с Иоганном встречались еще несколько раз: в Варнемюнде, куда заходил наш эсmineц, и в Ленинграде, куда приходил сторожевик «Берлин», на котором тот и служил. Ну, а после октября 1990 года, когда «меченый» по-предательски сдал ГДР, все пошло прахом... Иоганна уволили со службы, он у себя в Котбусе занялся каким-то бизнесом, но так и не мог расстаться с тоской по морю, плеску волн и крику чаек... так он писал мне в своих письмах.

Я немного расслабился, вспоминая прошлое, но тут к борту «Москвы» подвалил германский катер, и наступило время встречать гостей. По трапу легко взбежал молодежавый и подтянутый немецкий морской офицер в мундире капитана цур зее (капитана 1-го ранга). У него были густые, «кайзеровские» усы и небольшая бородка.

Командир «Москвы», капитан 1-го ранга Остапенко, первым поприветствовал гостя. Выстроенные в качестве почетного караула морские пехотинцы в «полном боевом» взяли «на караул» свои АКSy с примкнутыми штык-ножами. Было видно, что эти парни, прозванные противником «ночными демонами», произвели определенное впечатление на наших гостей. Потом Остапенко жестом пригласил немцев следовать за собой.

Я встретил фон Труппеля на палубе у лестницы, ведущей на ГКП. Увидев мои золотые адмиральские погоны, тот вытянулся в струнку, вскинув руку к козырьку фуражки с белым верхом и браво доложил по-немецки:

– Экселенц, я прибыл к вам с личным письмом моего начальника, адмирала фон Тирпица. Я хотел бы переговорить с вами лично. Где мы могли бы побеседовать?

Сопровождавший фон Труппеля господин в черном сюртуке и котелке (точь-в-точь буржуй с плакатов времен СССР) стал было переводить сказанное посланцем Тирпица на русский. Но я жестом остановил его и ответил капитану цур зее на его языке:

– Я вас прекрасно понял, герр губернатор. И хоть язык Гете и Шиллера мне не родной, полагаю, что мы еще лучше поймем друг друга, если будем беседовать с глазу на глаз.

Вид у того был удивленный и слегка ошарашенный. Не вступая в спор, он последовал за мной, оставив адъютантов и переводчика на палубе любоваться морскими красотами. Всю дорогу немец старался сохранять невозмутимый вид, стреляя глазами направо и налево, не поворачивая при этом головы. Даже в обычных переходах многое вводило его в ступор: например, лампы дневного света на подволоке¹ и приборы непонятного вида на стенках. Как я понял, ему очень хотелось задать мне несколько вопросов о назначении странных устройств, с которых ему ранее не приходилось встречаться. Но он, хоть и с трудом, сдерживал свое любопытство.

В адмиральском салоне герр фон Труппель с изумлением уставился на матово-черную плазменную панель, висевшую на стенке, а потом долго разглядывал голографическую картинку с изображением московского Кремля.

Я предложил гостю присесть на мягкий диван, и для начала разбулькал по маленьким серебряным стаканчикам граммов по пятьдесят «Шустовского» – подарок Наместника Алексеева. (Попробовав после Порт-Артурского дела представительский «Наполеон» и «Метаксу» из наших погребов, Евгений Иванович в характерных выражениях высказался, что, мол, прогресс прогрессом, а вот благородный напиток французы делать разучились. Мужичий самогон, дескать, и то приятнее. И тут же послал на берег катер за несколькими ящиками «Шустовского»).

– Прозит! – поднял вверх свой стаканчик герр губернатор. – За боевую дружбу русских и немцев, за времена Кутузова и Йорка, Барклая и Блюхера!

– Прозит! – ответил я, внутренне усмехнувшись. Я понял намек фон Труппеля, ведь во времена упомянутых русских и прусских полководцев общим врагом для нас была Франция.

После того как коньячок проскользнул внутрь, а на душе потеплело, и я предложил своему визави вкратце изложить устное послание главы германского военно-морского ведомства. Немец замялся, видимо, не зная, с чего начать. Потом немного успокоился и собрался с мыслями.

– Господин адмирал, – начал он торжественно, – я хотел бы поздравить вас и всех ваших подчиненных с блестящей победой над противостоящим вам флотом Японии. Это просто бесподобно! Вы уничтожили сильного и храброго врага, практически не понеся потерь. Вызывает удивление боевая мощь ваших кораблей. Как человек, много лет прослуживший на флоте, я признаюсь, что ничего похожего на ваш флагманский корабль я до сей поры не встречал. За последние полчаса у меня появилось множество вопросов, но я понимаю, что не на все из них вы сможете дать мне ответ... – Капитан цур зее бросил на меня лукавый взгляд.

– Господин губернатор, – ответил я, – не скрою, мне приятно слышать от вас комплименты в адрес моей эскадры. Да, действительно, наши общие усилия с Наместником Алексеевым и подчиненной ему Тихоокеанской эскадрой, базирующейся в Порт-Артуре, привели к тому, что нам удалось нанести поражение японскому флоту и сорвать его планы по захвату Кореи. Но враг еще не добит, и наша ближайшая задача – победоносно завершить его разгром. Когда оружие выпадет из рук побежденного противника, нужно будет сесть с ним за стол переговоров и заключить мир, в котором Россия получит полное удовлетворение за вероломное

¹ Подволока – так на корабле называется потолок.

нападение и за все понесенные в ходе боевых действий убытки. Я думаю, это будет справедливо. – Я оцениваю прищурился. – А как вы считаете?

Фон Труппель пристально посмотрел мне в глаза, затем вскочил, вытянулся и почти выкрикнул:

– Победителю – лавры, побежденному – горечь поражения! Подняв меч на вашу страну, японцы не должны были забывать о том, что фортуна переменчива и на их силу может найтись другая, большая сила. Мой император с самого начала этой войны был на вашей стороне.

– Герр губернатор, – сказал я, – я благодарен вашему монарху за то, что Германия выбрала правильную сторону в этом вооруженном конфликте. Не в пример другим европейским государствам...

Про себя же я в это время сам подумал: «Гм, а вот сейчас должно последовать приглашение к танцам. Ведь не для того господин губернатор отправился в путь, чтобы поздравить нас с победой и высказать свое восхищение...»

И я не ошибся.

Посчитав, что официальная часть завершена, Фон Труппель деловито извлек из внутреннего кармана кителя письмо. Склонив голову в полупоклоне, он протянул его мне. Я развернул лист отличной мелованной бумаги, и прочитал адресованное мне послание, написанное по-русски каллиграфическим почерком. Суть его заключалась в следующем.

Адмирал Тирпиц, отдавая должное мужеству и боевой выучке моей эскадры, предлагал всю возможную помощь со стороны колониальных властей Германской империи на Тихом океане. Помощь эта, по мнению Тирпица, могла выразиться в поставках нам продовольствия, воды, угля и прочего имущества, что имеется в распоряжении германской администрации. Отдельно предлагались услуги ремонтных мастерских и заводов в портах Германской империи на Тихом океане. При этом нам давалась возможность рассчитывать с гостеприимными хозяевами по самым льготным ценам, а при недостатке денежных средств все товары и услуги можно будет получить в кредит.

Хитрые немцы тонко намекнули, что в уплату могли быть зачтены «и другие виды взаиморасчета, о которых договаривающиеся стороны договорятся отдельно». То есть Тирпиц предлагал нам вариант своего рода «бартера» – за их материальные ценности получить наши технологии или образцы военной техники. А вот хренушки вам, господа германцы, можем только продать новейшую «ГЗМ» – «губозакатывающую машинку».

Тирпиц, сукин сын, по всей видимости, уже догадывался о нашем происхождении. В письме предлагался взаимный обмен информацией, в том числе и сугубо конфиденциальной. При этом он почти прямым текстом предлагал нам «достойное вознаграждение за наиболее ценные сведения».

Я оторвался от письма и внимательно посмотрел на сидящего «по стойке смирно» фон Труппеля. Похоже, он был знаком с текстом послания своего начальника. Капитан цур зее был напряжен и взволнован – вон, сидит с каменным лицом и облизывает языком пересохшие от волнения губы.

Среди прочих предложений Тирпица было еще несколько любопытных. Во-первых, адмирал просил разрешения прислать на нашу эскадру наблюдателя из Главного Морского штаба Германской империи (читай, разведчика), который «поучился у наших российских коллег новейшим приемам ведения боевых действий». А во-вторых, Тирпиц писал о необходимости «противостоять непомерной экспансии одной из морских держав, которая пренебрегает общепринятым законам и обычаям ведения войны на море и считает себя владычицей всех морей и океанов».

«Так, ясно, – подумал я, – вот в чей огород камушек. Только, камрады, все это пока слова. Скажем так, зондаж наших намерений. Интересно, насколько немцы искренни? Хотя

англичане сейчас для них противник № 1. И любой союзник в противостоянии Британии – для них подарок небес».

Я взял со стола красную шариковую ручку и демонстративно подчеркнул несколько строк в послании адмирала Тирпица. Фон Труппель зачарованно следил за моими телодвижениями. Как там говорится в киносериале про Штирлица – «информация к размышлению»?

Закончив читать письмо, я отложил его в сторонку и с улыбкой посмотрел на собеседника.

– Господин губернатор, я внимательно ознакомился с посланием уважаемого мною адмирала фон Тирпица. Считаю его своевременным, особенно в свете ближайших изменений в направлении русской политики...

При этих словах фон Труппель вздрогнул и невольно подался вперед.

– Как вы понимаете, – продолжил я, – невозможно с ходу дать ответы на те серьезные предложения, что изложены в этом письме. Ибо интересы России, патриотом которой я являюсь, требуют согласования моих действий с высшим руководством моей страны... Кроме того, наша эскадра обеспечена всем необходимым, а захват Фузана дал нам удобную базу с развитой инфраструктурой. Мы можем разве что поговорить об организации аукциона для продажи нашей доли военных трофеев и арестованной военной контрабанды. Этого добра у нас много, и кое-что можно было бы превратить в деньги. Их наличие упростило бы наши взаиморасчеты.

В глазах моего гостя промелькнула тень разочарования. Он явно надеялся на большее. Не понимает губернатор, что не продается мы ни за фунты, ни за марки. И того, что нам надо, у них пока просто нет, а то, что есть, нам пока не к спеху.

– Господин губернатор, вы располагаете некоторым временем? – спросил я.

Тот поначалу не понял, о чем я его спросил, а спустя несколько секунд утвердительно кивнул мне головой.

– Если вы не против, я покажу вам мой флагманский корабль. Думаю, что более близкое знакомство с его возможностями заинтересует вас. Кроме того, вы кое-что поймете, и нам будет легче беседовать с вами дальше.

Фон Труппель вскочил со стула и стал горячо благодарить меня за доверие и за возможность ознакомиться с одним из кораблей эскадры-победительницы...

Я вышел с ним на палубу ракетного крейсера «Москва». В полумиле от нас лежал белоснежный флагман Восточно-Азиатской эскадры Германской империи крейсер «Ганза». Фон Труппель посмотрел на своего флагмана, потом перевел взгляд на огромные цилиндрические пусковые контейнеры ракетного комплекса «Вулкан», вздохнул и сказал:

– Господин адмирал, я весь во внимании... Откуда мы начнем осмотр?

– Прямо отсюда, герр Оскар, – осветил я, показывая себе под ноги, – можно мне вас так называть? Когда я был молодым гардемаринком, у меня был друг, немец, тоже гардемарин, Иоганн Штраус. Разговаривая с вами, я как бы возвращаюсь во времена моей молодости. Кстати, и вы можете называть меня просто Виктором. Мы сейчас разговариваем с вами не как представители двух государств, а как два моряка.

Фон Труппель кивнул.

– Да-да, герр Виктор, молодость, молодость, как давно это было... А ваш друг, почему он не стал адмиралом, и где он учился, может быть, мы с ним знакомы?

Я выругался про себя: вот же черт, расслабился и совсем забыл, что моя молодость припала на восьмидесятые годы XX века... Надо как-то выкручиваться.

– Знаете, герр Оскар, он так и не доучился, у него умер отец, и мой друг вынужден был оставить учебу, чтобы заняться отцовским хозяйством. Иоганн был старшим в семье, а всего у его родителей было четверо детей. Надо было их как-то содержать. А жаль, я считаю, что из него вышел бы неплохой морской офицер.

– Да, печальная история... – Мой собеседник сочувственно покачал головой.

В этот момент мы подошли к носовой башне со спаренными 130-мм орудиями.

Фон Труппель долго разглядывал башню, потом повернулся ко мне, и спросил:

– Герр Виктор, а почему у вас такой маленький главный калибр, всего пять дюймов? Мне кажется, это совершенно недостаточно для крейсера вашего ранга...

– О, что вы, герр Оскар... Вы ошибаетесь, причем дважды, – рассмеялся я. – Во-первых, это не главный калибр, а, как сейчас принято называть, противоминный. Главный калибр – это вон те шестнадцать наклонных труб, на которые вы смотрите с таким интересом. Внутри них хорошо упакованная смерть для броненосных кораблей любой державы, которая посмеет начать боевые действия против России. Один снаряд выпущен – значит, осталось пятнадцать... Вторая ваша ошибка – это то, что вы считаете калибр в пять дюймов недостаточным. Скорострельность в девяносто выстрелов в минуту на двухорудийную башню создаст перед противником стену огня, дальность – тринадцать с половиной миль, снаряды фугасные и шрапнель.

– О, так именно поэтому вы могли расстреливать японцев с недоступного для них расстояния! – воскликнул изумленный фон Труппель. – Bravo! Меткость ваших комендоров тоже вызывает зависть. Не хотел бы я оказаться у них на прицеле.

Удивили его и шестиствольные зенитные установки АК-630. Услышав об их скорострельности, капитан цур зее поначалу впал в ступор. Потом, придя в себя, пробормотал:

– О, майн гот – четыре тысячи выстрелов в минуту! Господин адмирал, вы не шутите? Ведь это просто невозможно! Даже пулеметы не стреляют с такой скоростью!

– Картечница Гатлинга имела похожую скорострельность, – возразил я, – а эта машина как раз берет происхождение от нее. Когда нужно выпустить в противника тучу мелких снарядов, сами понимаете, что может случиться... Одна очередь разрезает миноносец будто ножовкой. Не ускользнут от этой машинки и более быстроходные минные катера.

Так, тихо и мирно беседуя, мы с губернатором Циндао больше часа обходили помещения крейсера. Естественно, кое-куда немецкого «капраза» пускать ни в коем разе не стоило: к примеру, в ангар, где стоял вертолет, или к пусковым ЗРК 300-Ф. Но даже то, что мы разрешили увидеть фон Труппелю, потрясло его. Маска невозмутимого немецкого офицера, которую он надел при начале нашей встречи, слетела с него напрочь. Губернатор вел себя как ребенок, которого запустили в магазин игрушек. Он с восхищением смотрел на приборы, расположенные в боевой рубке, но, похоже, с трудом понимал, о чем идет речь, несмотря на все мои старания. Чтобы он мог вникнуть, ему необходимо было объяснить такие вещи, как радиолокация. Что я и постарался сделать.

Выслушав меня, он воскликнул:

– О да, герр Виктор! Гульермо Маркони что-то писал о радиоскопе. Но, по-моему, у него ни черта не получилось. А у вас такие стоят на каждом корабле, да еще и не по одной штуке. Удивительно! Им не мешает ни темнота, ни дождь со снегом, ни туман... Ха-ха, расскажите это англичанам с их вечно дождливым и туманным климатом, они оценят ваши приборы.

Словом, к концу нашей импровизированной экскурсии фон Труппель был, что называется, «готов к употреблению». Вернувшись в адмиральский салон, он, позабыв спросить у меня разрешения присесть (что немыслимо для германского офицера), плюхнулся в кресло и, сняв фуражку, принялся крутить ее в руках.

– Господин адмирал, – сказал он немного растерянным голосом, – единственное, что я точно понял – так это что вы не от мира сего... да, это я могу сказать вполне определенно. То, что я увидел и услышал сегодня, просто не укладывается у меня в голове. Ваш корабль – а я знаю, что он у вас не единственный – в одиночку может победить целую эскадру самых современных броненосцев. А если вы выйдете в море со всеми вашими кораблями?! Ведь нет на свете такой силы, которая могла бы противостоять вам! Боже, спаси тех несчастных, которые окажутся на вашем пути!

Видя смятенное состояние моего гостя, я понял, что его нужно срочно приводить в чувство. Взяв со стола недопитую бутылку «Шустовского», я налил не как обычно, маленькую серебряную стопочку, а половину стакана, и протянул его губернатору. Тот залпом выпил содержимое, будто там была вода, а не коньяк.

Алкоголь немного привел его в чувство и упорядочил мысли. Взгляд фон Труппеля стал более-менее осознанным. Он положил фуражку на стол и спешно стал застегивать случайно расстегнувшуюся на кителе пуговицу.

– Итак, господин губернатор, – начал я, – вы познакомились с крейсером моей эскадры. Скажу честно, этот корабль – один из сильнейших в своем классе. Да, действительно, из ныне существующих военных кораблей ни один не может сравниться по огневой мощи и многим другим параметрам с любым кораблем из моей эскадры. Теперь вы понимаете, почему Япония может считать себя побежденной. Правда, микадо пока так не считает. И мы постараемся сделать все, чтобы в самое ближайшее время до него дошла эта мысль. Точных планов я вам выдавать не буду, но скучно не будет.

– Господин адмирал, а что вы намерены делать после того, как Япония будет окончательно повержена и подпишет с вами мир на самых выгодных для вас условиях? – спросил ошарашенный фон Труппель. – Против кого вы тогда повернете свое оружие?

– Мы бы хотели после победы над Японией зачехлить стволы орудий и заниматься обычными мирными делами, – ответил я. – Но нет мира на Земле, и мы хорошо помним латинское изречение: «*Si vis pacem, para bellum*»...

– «Хочешь мира – готовься к войне», – перевел с латыни на немецкий фон Труппель слова римского историка Корнелия Непота, – но к войне с кем вы намерены готовиться, господин адмирал?

– Господин губернатор, – сказал с улыбкой я, – в переданном мне послании адмирала Тирпица было упоминание «о необходимости противостоять непомерной экспансии одной из морских держав, которая пренебрегает общепринятым законам и обычаям ведения войны на море, и считает себя владычицей всех морей и океанов». Вот вам и ответ!

– Итак, Британия... – тихо сказал фон Труппель, – мы... я так и думал. Вы знаете, господин адмирал, я совсем не удивлен. Недружественная России политика Англии, которая к тому же является союзником и подстрекателем Японии, должна быть наказана. Я представляю, что сделают ваши корабли с британскими, если те самонадеянно рискнут вступить с вами в бой. Это будет избивание младенцев! А вообще так им и надо. Англия должна наконец избавиться от своей мании величия.

– Сила Англии не только, и не столько в ее флоте, сколько в банках Лондонского Сити, которые ворочают огромными суммами. Это их стараниями мрут дети в Индии, убивают буров в Африке, расстреливают в Бирме тех, кто хотя бы на словах пытается выступить против ненасытных «инглизи». Лондонским банкирам выгодно, когда русские и японцы убивают друг друга. Потом они решат, что еще большую прибыль принесет война между Германией и Россией...

– Никогда! – с негодованием воскликнул фон Труппель. – Немцы не забыли, что именно Россия была повивальной бабкой германского единства. Именно у России мы, немцы, разделенные на десятки государств, учились тому, что значит быть единым народом. Я не могу ответить за его величество кайзера, но сердца простых немцев с вами.

«И ведь не врет, что интересно, – подумалось мне, – он действительно верит в то, о чем говорит...»

А фон Труппель продолжал:

– Господин адмирал, а какие лично у вас мысли относительно моей державы? Кем вы ее видите: союзницей или соперницей?

– Германии и России самой судьбой уготовано жить в дружбе, – осторожно начал я. – Да, были в книге истории наших взаимоотношений и черные страницы, когда мы воевали друг с другом. Очень хотелось бы перевернуть эти страницы и больше их никогда не открывать. Нам не нужна территория Германии, да и Германии вряд ли пошла на пользу попытка оторвать часть земель от России. В этом отношении нагляден пример императора Наполеона Бонапарта, которому удалось добраться до сердца России – Москвы. Но закончилась война не там, а в Париже, куда русские полки вступили вместе с войсками прусского короля. Я знаю, что благодарная Германия не забыла тех, кто сражался с Наполеоном при Лейпциге, Лютцене и Бауцене...

– Да, верно, господин адмирал, – подтвердил фон Труппель, – и тем обидней, что Россия отвергла союз с теми, с кем вместе сражались против Бонапарта, и нашла себе союзника в лице тех, кто дважды в течение прошлого века приходил на землю России с оружием в руках.

– Нельзя вам возразить, это действительно так, – ответил я, – но сию роковую ошибку сделали политики, запутавшиеся в хитроумных комбинациях. Это было невероятной глупостью, которую можно и нужно срочно исправить. Союз с Францией – это брак по расчету, а не по любви. А вам, наверное, известно, что подобные браки не бывают прочными. Любовь, купленная за деньги, ненадежна, и супруги в таких случаях напропалую изменяют друг другу, особенно если жена – панельная шлюха, больная всеми либеральными болезнями. Скажу больше: либерализм – это сифилис политики.

Фон Труппель ударил кулаком об кулак.

– Не могу не согласиться с вами, господин адмирал, вы очень точно и емко дали определение противоестественному союзу России и Франции. Кстати, говоря о политических изменениях, вы имеете в виду готовящийся к подписанию договор между Британией и Францией? – блеснул он своей осведомленностью. – Действительно, как-то странно получается – вступать в «Сердечное согласие» с союзником врага своего союзника. Какой-то политический адюльтер.

– Гм... вы правы, – ответил я. – Россия в самое ближайшее время расторгнет этот брак. Я думаю, что в силу своей традиционной политики Британия в случае каких-либо осложнений, возникших у Франции во взаимоотношениях с соседями, вряд ли полезет на континент защищать союзницу. А вот на море и в колониях британский флот может причинить другим державам много неприятностей...

Мой собеседник впился в меня взглядом.

– Господин адмирал, вы говорите абсолютно правильные слова! На море мы пока не можем противостоять британскому флоту. Пока не можем... Одни... А вот если в союзе с теми, кто так же, как и мы, ненавидит этих зазнавшихся островитян...

Намек был более чем прозрачен. Германия устами губернатора Циндао приглашала нас на «белый танец». Только вот кто в этом вальсе будет вести? Впрочем, пока это был только намек.

– Господин губернатор, к сожалению, у меня сегодня еще очень много дел, – сказал я, поднимаясь с кресла, – поэтому, несмотря на всю приятность нашей беседы, я вынужден ее прервать и попрощаться с вами. Передайте вашему командованию, что мы со вниманием отнесемся ко всему, что было высказано в письме адмирала фон Тирпица, и постарайтесь довести до него суть нашей сегодняшней беседы. Я полагаю, что наша встреча с вами не последняя.

Капитан цур зее фон Труппель вскочил, вытянулся, одернул китель и привычным ловким движением нахлобучил на начинающую лысеть голову свою белую фуражку с кокардой Кайзермарине.

– Яволь, герр контр-адмирал! – начал он торжественно, – поверьте, это самый необычный и самый удивительный день в моей жизни! Я обещаю во всех подробностях довести до адмирала фон Тирпица всю информацию о нашей беседе и о том, что я увидел на крейсере «Москва». Я думаю, что моим докладом заинтересуется и сам император Вильгельм II. Воз-

можно, мне придется в самое ближайшее время отправиться в Берлин для личного доклада Кайзеру. Я думаю, что наши с вами мысли найдут понимание у моего повелителя...

Паровой катер с крейсера «Ганза» давно отчалил от трапа «Москвы». Вскоре и сам крейсер, похожий на белокрылую чайку, густо задымив трубами, направился в сторону Циндао.

Я стоял на палубе «Москвы» и думал. Вот и произошел наш первый внешнеполитический контакт с представителем одной из ведущих европейских держав. Кажется, он прошел на должном уровне. Я думаю, что доклад фон Труппеля в Берлине выслушают с особым вниманием, и вскоре нам предстоит встреча с лицом, более высокопоставленным, чем губернатор Циндао. Вот только с кем?

Скорее всего, новую делегацию возглавит адмирал фон Тирпиц. А может быть... А почему бы и нет? Мне было известно из исторических книг о страсти кайзера к путешествиям, склонности его к авантюрам и о любви к морю и кораблям. Так что вполне вероятно, что вскоре к нам пожалует САМ император Германский, Вильгельм II Гогенцоллерн. Впрочем, проживем – увидим...

21.02.1904. Утро. станция Чита. поезд литер А.

Великий князь Александр Михайлович.

Говорят, что бывают в жизни человека мгновения, определяющие всю его последующую судьбу. Вчера был именно такой день. И не только для меня он стал переломным.

Мишкин, попрощавшись с гостями из будущего, сел на своего жеребца, и всю дорогу, пока мы ехали через Байкал, пребывал в мрачном раздумье. А когда наш состав отошел от станции Танхой, он долго курил в тамбуре, смоля папиросы одну за одной, а потом, закрывшись в своем купе, напился как сапожник. Весь день из-за двери купе были слышны проклятия, плач, звон стакана. Утром же Мишкин вышел из купе протрезвевший, бледный и какой-то постаревший. Позвав денщика, он велел вынести из купе пустые бутылки и не выпитое спиртное...

– Сандро, – сказал он мне, – я дал себе зарок – больше не пить вообще. И жить мне теперь надо так, чтобы не позорить ни себя, ни свою семью. Я не должен больше быть таким, каким я был ТАМ и ТОГДА! Я должен теперь жить так, как повелел всем нам наш великий прадед, император Николай I, который говорил: «Всякий из вас должен помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение Великого Князя».

Ольга тоже не находила себе места. Едва поезд тронулся, она, схватив подаренный нам прибор, который пришельцы называли «ноутбуком», бросилась в свое купе, включила его и стала лихорадочно просматривать картинки и тексты, чудесным образом всплывавшие на экране. Так продолжалось несколько часов. Потом Ольга, вся какая-то опустошенная, прошла в купе отца Иоанна и попросила ее исповедать.

За ужином она сидела, погруженная в себя, смотря на окружающих каким-то пустым, тусклым взглядом. Я попытался с ней заговорить, чтобы отвлечь от дурных мыслей, но она слушала меня рассеянно, отвечала нехотя и невпопад, словно сомнамбула. Я даже начал опасаться за ее душевное здоровье, но отец Иоанн на вечернем чаепитии сказал мне, что у Великой княжны скоро все придет в норму.

– Дух ее силен, но сейчас он в сильном смущении, – успокоил меня наш духовник, – пусть она успокоится, поспит, помолится... Все пройдет, хотя никому из нас, выслушавших откровения посланцев из будущего, отныне не будет покоя. Тяжек Крест познания. Ведь, как написано в Книге Экклезиаста: «И много видело сердце мое и мудрости и знания. Так предам же я сердце тому, чтобы мудрость познать, но познав и безумье и глупость, я узнал, что и это – пустое томление, ибо от многотой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль».

Я понял, что и у самого отца Иоанна на душе беспокойно. Впрочем, разве может быть спокойно на душе у любого нормального человека в здравом уме и трезвой памяти, который, заглянув в зияющую перед ним бездну, узнал, что ожидает его самого и его близких, и увидел, как рушится создаваемая веками держава, погребая под своими обломками миллионы людей?

Что касается меня самого, то я тоже был потрясен развернувшейся передо мной картиной грядущей катастрофы. Но особо запомнились слова самого пожилого из пришельцев из будущего, капитана Тамбовцева Александра Васильевича. При таком небольшом чине он пользовался большим доверием и уважением со стороны окружающих. Вот он при расставании и шепнул мне на ухо: «Не вешайте носа, тезка, ведь еще ничего не predetermined. Делайте что должно, и да свершится что суждено. Господь протягивает Вам руку помощи и дает еще один шанс остановиться на краю пропасти. И вы должны использовать его... А коли упустите этот шанс – будете прокляты навечно своим народом».

Я крепко-накрепко запомнил те слова. Как мне показалось, в тот момент его устами со мной говорил Посланник Господа нашего. Того самого, каким я представлял его в детстве. И отныне все мои дела и действия призваны будут спасти мою семью, мою страну и мой народ. Только вот понимать, что есть добро, а что есть зло, мне придется самому.

За окнами вагона замелькали подъездные пути, какие-то станционные строения, стоящие вагоны и низенькие деревянные дома. Мы прибыли в Читу. Здесь мы простоим около двух часов, нам осмотрят вагоны и прицепят новый паровоз, загруженный углем и заправленный водой, после чего мы тронемся дальше. А пока железнодорожные служащие будут заниматься своей привычной работой, Карл Иванович успеет зайти в здание телеграфа на станции и отправить несколько шифротелеграмм.

Когда мы говорили с пришельцами из будущего, я понял, что они еще не знают точно, где им предложат расположиться по прибытии в Санкт-Петербург. Ехали они туда в неизвестность, ведомые только своим долгом. А наши придворные интриги – это дело долгое и нудное. Лучше всего было бы сразу ввести их на высший уровень нашей придворной жизни. И я решил предложить им для проживания свой дворец на Мойке, подаренный мне покойным императором Александром III десять лет назад, после моей женитьбы на его старшей дочери Ксении.

Услышав об этом, Александр Васильевич вопросительно переглянулся с Ниной Викторовной.

– Институт Лесгафта?! – с вопросительной интонацией сказал капитан Тамбовцев.

Нина Викторовна утвердительно кивнула. Видимо, она тоже знала, где находится и как выглядит мой дворец. Только я не совсем понял, какое отношение к нему имеет уважаемый мною Петр Францевич Лесгафт, профессор Санкт-Петербургского университета и создатель новой системы физического воспитания. Но я промолчал: об этом можно будет спросить потомков как-нибудь в другой раз.

Нина Викторовна и Александр Васильевич приняли мое предложение. Месторасположение моего дворца их вполне устроило: напротив Новой Голландии, до Зимнего дворца и других важных государственных учреждений недалеко. Да и Гвардейский флотский экипаж, можно сказать, совсем рядом. Там многие помнят и уважают меня.

Теперь было необходимо сообщить о гостях, следующих в литерном поезде, моей дражайшей супруге, чтобы наш управляющий заранее обо всем распорядился. Ну, там, приготовил комнаты для посланцев и сопровождающих их людей, а из каретных сараев и со двора убрал все лишнее, чтобы там можно было разместить их боевые машины. Еще я дал Нине Викторовне два коротких рекомендательных письма. Одно было адресовано моей супруге, а другое – августейшей теще.

В итоге Карл Иванович отбил несколько телеграмм, и две из них отправились в Санкт-Петербург. Первая предназначалась лично для Ники, в ней я сообщал, что встретился с интересующими его господами и нашел их предложения весьма интересными, а также что на время

пребывания в столице те согласились остановиться в моем дворце на Мойке. Вторая была для моей супруги. В ней я поручал Ксении сделать все необходимые приготовления для встречи неожиданных гостей. В конце я написал: «Дорогая, эти люди везут с собой наше будущее и будущее наших детей... В их руках наша жизнь и наша смерть...»

Чита осталась позади, через три дня рано утром наш поезд прибудет в Порт-Артур. Получилось чисто случайно, что все мы, четверо «посвященных», собрались в салон-вагоне. Нам надо было поговорить, никто из нас не мог более нести ношу знания внутри себя. Один из моих братьев, большой поклонник французского парламентаризма, мог бы назвать это собрание «Комитетом четырех». Ну и пусть, мы ведь не делаем ничего предосудительного.

Поначалу мы все дружно посмотрели на непривычно тихого и задумчивого Мишкина. Вернее, уже не Мишкина, а Михаила – теперь, после всего случившегося, его лучше называть так. Годы беспашашного шалопайства остались в прошлом, и мальчик наконец-то повзрослел. Смущенный нашим молчанием, Михаил прятал глаза, краснел, сжимал и разжимал кулаки. Потом ему это, видимо, надоело, и он с некоторым вызовом сказал:

– Ну что вы так смотрите? Ники жив и здоров, дай Бог каждому, а я совсем не рвусь царствовать. Но если все опять повторится, то не сомневайтесь: в этот раз я не струшу. – Он обвел нас жалобным взглядом. – И на этой самой японской принцессе – как ее там, Макако вроде – тоже женюсь, если так надо для пользы России.

– Не Макако, а Масако, – назидательно сказала Ольга. – И вообще, это пока только наши благие пожелания. Еще ничего не решено, ведь сначала надо закончить войну, подписать мир и уговорить как саму принцессу, так и ее солнцеподобного папашу. А он еще тот упрямец. Так что ты, братец, заранее не горюй – еще, может, ничего и не получится. Но я, собственно, хотела сказать вот что. Давайте будем откровенны хотя бы между собой. Меня ужасает та картина, какую нам обрисовали Александр Васильевич и Нина Викторовна. Фактически, чтобы не допустить краха Империи, революцию в ней должны совершить мы сами. При этом против нас будет как большинство мужиков, по природному своему консерватизму не жаующих перемен, так и все так называемое «высшее общество», привыкшее жить не работая, словно Стрекоза из басни Крылова. Я даже не представляю, что может произойти, если нам удастся сохранить в неприкосновенности все ныне существующие порядки. Войну выиграть возможно, тем более что это вопрос уже почти решенный. Но как нам выиграть после этого мир? Ведь чтобы по настоящему ввести Россию в число мировых держав, нам придется делать вещи, которые наш правящий класс воспримет в штыки. А вовне, во всем мире, у нас нет, и по определению не может быть надежных союзников. Скорее, наоборот, все наши соседи будут стараться нанести нам максимальный ущерб и всячески затормозить развитие России. Мы все знаем, что Ники ведет страну в пропасть. Но мы точно не знаем, какой путь не грозит нам великими потрясениями. Да, у людей из будущего, которых послал нам Господь, есть кое-какие готовые рецепты. Но не забывайте, что применялись они тогда, когда империя уже пала, и господину Сталину нужно было начинать все заново.

Она сделала небольшую паузу, испытующе глядя на нас. Затем, уже другим, гораздо более тихим голосом, добавила:

– Сандро, Мишкин, думайте! Но помните: что бы вы ни решили, возможно лишь одно: или Россия подомнет мир под себя, или мир раздавит Россию. Полвека назад была Крымская война. Мы все помним, как Европа объединилась, чтобы поставить предел русскому влиянию. Потом то же самое повторилось на Берлинском конгрессе после победоносной для нас войны за освобождение славян... Господин Тамбовцев прав: скорее всего, нас вынудят воевать против всей Европы. И твоя, Мишкин, женитьба на японке есть своего рода страховка, что Япония снова не начнет войну с Россией, когда та будет сражаться на западе. Но наследник престола Алексей, как и в тот раз, скорее всего, родится больным. Как я понимаю, то, что цесаревич мог в любой момент умереть от мельчайшей царапины, сильно расшатывало власть. Я и не

представляла, что среди моих родственников столько желающих сесть на трон брата. Распутин этот опять же, будь он неладен. Необходимо, чтобы Ники наследовали твои с японкой дети. Но как это сделать, я ума не приложу. Аликс ведь просто взбесится. Она так мечтала родить моему брату наследника-цесаревича, а тут такое...

Михаил задумчиво покачал головой.

– Забудем, сестренка. Наше дело царское – жениться не на том, кого любишь, а на том, на ком выгодно для страны. Насчет наследования – надо будет отправить в Госсовет нашу МамА. А уж там наша «палата лордов» решит вопрос в нужную сторону. МамА, когда захочет, может быть чертовски убедительна.

Я кивнул.

– Только делать это надо почти сразу, как подтвердится болезнь ребенка. Но не это главное. Главное в том, какой мы хотим видеть Россию. Да, как сказала госпожа Антонова, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. А ведь есть разные пути достижения государственного богатства и здоровья. Вчетвером мы сможем во многом убедить Ники. Но для этого мы должны хотя бы знать, в чем его убеждать. К примеру, какое крестьянство нам нужно: фермеры-хуторяне (по Столыпину) или общинники-артельщики (по Сталину)? Как человек своего класса, я выбрал бы первый вариант, а как государственный муж – второй.

– Почему же? – спросил Михаил. – Ведь и сейчас крупные хозяйства, которых у нас едва одна десятая, производят половину всего хлеба в России. Пусть их будет больше.

– Э нет, – ответил я. – Если основная масса крестьянства нищая, то оно не покупает ничего из промышленных товаров, а это значит, что в России невыгодно строить новые заводы и фабрики. А нам в будущем нужна промышленность. Причем промышленность должна быть такой мощи, чтобы многократно превзойти все наши вчерашние самые смелые мечты. И еще: нищий мужик – это не опора трона и порядка, а сухая солома для пожаров мятежей и революций. А нам нужно спокойствие в народе. Но как сохранить спокойствие, когда потребуется миллионами переселять мужиков на новые места? Откуда взять для этого деньги и как все организовать, чтобы наши чиновники-казнокрады все не растащили? Не знаю...

Отец Иоанн до того слушавший нас молча, перекрестил сначала меня, потом Михаила и Ольгу.

– Думайте, думайте, дети мои... – проговорил он. – Об одном только забыли вы – церковь наша православная погрязла в лени и самолюбовании. Христианские начала попорчены, всюду разврат и блудодейство. Священники чиновниками стали и о душе совсем забыли. А задач у церкви не меньше, чем у государства: души ведь тоже надо обиходить, а не только тела. Великая Россия должна стать воистину самодержавной, воистину православной и воистину народной. Патриарх нам нужен, господа Романовы, пастырь строгий, но справедливый... Но где нам взять такого?

Я взглянул на нашего духовника.

– Отец Иоанн, вы все так хорошо сказали нам, что я подумал о том, что лучше вас кандидата на патриарший престол никого нет... Единственное – вам нужно будет принять постриг, но я думаю, что в этом проблем не будет. Ну, а кто сейчас более авторитетен, чем вы, в делах духовных на Руси? Здоровье у вас, конечно, не очень... Но вот прибудем в Порт-Артур – и сразу сдадим вас на руки к врачам из будущего. Пусть они вами займутся. Мне вот Александр Васильевич говорил, что там такие кудесники есть, что чуть ли не мертвых на ноги поднимают. И не надо отказываться, ведь, как говорится в Евангелии от Луки: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут».

– Грех это смертный – гордыня! – замахал руками отец Иоанн. – Не искушайте меня, не достоин я патриаршьяго белого клобука.

Я покачал головой.

– Отец Иоанн, ведь вы сами говорили, что люди из будущего есть посланцы божьи. Говорили? Да и сейчас от своих слов не отказываетесь... А слышали вы, какой ад нас ждет, если мы не будем делать все возможное и невозможное? Каждый из нас – и я, и Михаил, и Ольга, и Государь, и государыня Александра Федоровна, и государыня Мария Федоровна – как и многие другие, должны нести свой крест безропотно. Ведь, как гласит Евангелие от Матфея, «Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных». Для спасения нашей Родины и народа нашего мы, первые, готовы стать последними. Вы же, пастыри, должны вносить в общество гармонию, покой и благообразие, а еще веру в то, что все делается во благо.

Немного помолчав, я подвел итог этого затянувшегося разговора:

– Отец Иоанн, я понимаю, что легко никому не будет, но выбора у нас нет. Мы можем надеяться только на чудо. А чудо происходит лишь тогда, когда человек верит в него. Ибо говорил Господь: «По вере вашей да будет вам»...

Отец Иоанн встал и широко перекрестился.

– Аминь! Если будет на то воля Господа нашего и решение Государя о возрождении патриаршества, то я согласен. Иисус терпел и нам велел. Потерплю и я эту юдоль скорбей. – Он по очереди перекрестил всех нас. – Благослови вас Господь!

От всего этого разговора у меня осталось впечатление, что мы еще слишком мало знаем о нашем будущем, чтобы принимать какие-то конкретные решения. Конечно, понятно, что так жить дальше нельзя. Но ведь разве ж не это понимание потом толкнуло многих уважаемых людей в заговор против Государя? Разве не с самыми лучшими намерениями предъявляли они Ники свой ультиматум в феврале семнадцатого? А потом получили то, что заслужили, ибо хотели они сделать как лучше, а вышло черт-те что... Поэтому нам надо учиться, учиться, и еще раз учиться, чтобы вместо старых ошибок не наделать новых...

21 (8) февраля 1904 года, Вечер, где-то между Новосибирском и Омском, поезд литер А.

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Бесконечные таежные леса, засыпанные снегом кедровые и сосновые насаждения навевали на меня лирическое настроение. Половина пути позади. Чем дальше на запад, тем более обжитые места мы будем проезжать. О матушка Русь, ты и огромная, ты и пустынная... Лишь редкий хант или манси бродит по этим просторам с кремневым ружьем времен Наполеона, а то и с прадедовским луком.

Видимо, те же настроения обуревали и наших спутников. Смотрит задумчиво в окно Андрей Августович Эбергард. Быть может эти бесконечные леса напоминают ему седую штормовую Атлантику. Пригорюнился у вагонного окна читающий электронную книгу ротмистр Познанский. Да, правы были древние: от многих знаний – многие печали.

«Мокрый прапор» Морозов тихонько терзает в углу расстроенную древнюю гитару, и выходит у него нечто длинное и заунывное, как песня казахского акына. Радости столько, что с ума сойти можно. Старлей Бесоев не выдерживает, отбирает у прапора гитару и забирает того на внеплановый обход постов. И снова тишина...

Я знаю, какую книгу читает сейчас жандармский ротмистр, ибо сам ее ему и дал – Елена Прудникова, «Битва за хлеб». Ужасное и леденящее душу повествование о бедственном существовании российского крестьянства и о методах, какими в нашей истории Красный Император Сталин решал эту проблему. И решил, по моему мнению, ровно на сорок лет, до левацко-идиотских экспериментов Хрущева, когда все пошло вразнос. Мне было любопытно наблюдать за сменой эмоций на лице нашего милейшего жандарма. Не каждому дано узнать (слава Богу!), в какую выгребную яму может провалиться Россия так называемого «Серебряного века», если не принять экстренных мер. Правда, экстренные меры превратят «Серебряный Век» в «Век

Стали и Электричества». При этом, возможно, удастся обойтись без стольких жертв, сколько их было в нашей реальности.

Жандарм осторожно отложил в сторону «читалку» и произнес:

– Господь Всемогуший, спаси и помилуй нас, грешных! – ротмистр перекрестился, и посмотрел на меня. – А вы то, Александр Васильевич, что скажете?

– А что вам сказать, Михаил Игнатьевич? – ответил я. – Вы не совсем корректно вопрос ставите.

Ротмистр вздохнул.

– Крамольная же эта книжка, Александр Васильевич, устои Империи подрывает...

– Ну да, устои подрывает... – кивнул я, притворно соглашаясь, – только учтите, что эти устои были давно уже подточены. Началось все «Указом о вольности дворянства» 1762 года, а окончательно подкосила их проведенная через сто лет Крестьянская реформа 1861 года. Теперь эти самые устои прогнили настолько, что при малейшем толчке они рухнут, вместе со стоящим на них зданием Российской Государственности. Конечно, кое-кто это понимает, и пытается что-то сделать. К примеру, тот же Столыпин, нынешний Саратовский губернатор, кстати, выдвиженец фон Плеве. Став премьер-министром России, он попытается подвести подпорки под покосившееся здание, но безуспешно. Точнее, кое-какие положительные результаты его реформа даст, но основного вопроса не решит. А основной вопрос для нынешнего крестьянства – это выкупные платежи и безземелье. И как следствие – миллионы крестьян, которые из года в год не могут выплатить эти проклятые платежи, и из-за этого живут буквально натуральным хозяйством, как в Средневековье. Какая уж тут механизация, какие удобрения? Все мало-мальски накопленное уходит на оплату недоимок по выкупному платежу. Общинные земли делятся на все возрастающее количество хозяев, что привело к тому, что крестьянский надел, в среднем составлявший в 60-х годах прошлого века 4,8 десятины на мужскую душу, нынче едва дотягивает до 2,8 десятины. А те, кто бросил свои наделы и подался в город на заработки, пополнил армию так называемых фабричных рабочих, которых нещадно эксплуатируют хозяева, а потом, когда выжмут из них все соки, выкидывают на улицу.

– Господин ротмистр, – обратился я к Познанскому, – вы хорошо знакомы с ситуацией, сложившейся в Империи? Скажите мне, кто первый заводила при массовых беспорядках? Не те ли самые бывшие крестьяне, которые в городах растеряли все положительные качества, присущие российским крестьянам, но вобрали в себя все пороки городских босяков?

– Именно так, Александр Владимирович, – угрюмо ответил тот, – из этой категории так называемого пролетариата и выходят те, кто всегда готов участвовать и в погромах, и в беспчинствах, и в сопротивлении властям. А вы что предлагаете?

Андрей Августович Эбергард, заинтересовавшись нашей беседой, подсел к нам поближе.

– Господа, – я обвел взглядом своих собеседников, – согласитесь, что при огромности фактически незаселенных просторов России слова о лишних людях звучат, по меньшей мере, издевательски. Вот Дмитрий Иванович Менделеев пророчил Российской империи к пятидесятому году миллиард населения, из которого ровно половину должны составлять великорусы, белорусы, малороссы. А вышло... Вышло так, что Сибирь и Дальний Восток так и остались малонаселенными. Не до того было людям, говорящим по-русски: все это время они отражали вражеские нашествия или истребляли друг друга.

– Так все же, – Познанский подпер щеку рукой, – есть ли выход из создавшейся ситуации? А если есть, то какой?

– Нет безвыходных положений, есть положения, в которых нет входа, – попробовал пошутить я, и кивнул за окно. – Из Европейской России надо оперативно изъять те самые сорок миллионов «лишних» мужиков и переселить их за Урал вдоль Транссиба и КВЖД. Убрать всех голодных безлошадных, кому нечего терять, но кто еще готов впрячься в работу. Это даст

облегчение ныне существующему в европейской части России сельскому хозяйству и подстегнет развитие промышленности.

Жандарм покачал головой.

– Позвольте вопрос, Александр Васильевич – а где же тут связь? Как уменьшение количества населения может улучшить хозяйство, да еще поднять промышленность?

– Господа, вы можете сами сделать выводы, – ответил я. – Сокращение крестьянских хозяйств в Европейской части России увеличит наделы оставшихся. Отмена выкупных платежей и недоимок по ним стимулирует механизацию сельского хозяйства и применение минеральных удобрений (вот вам и стимул для развития соответствующих производств). Ну, а государство должно бдительно следить, чтобы этот спрос покрывался в основном за счет внутреннего российского производства, а не за счет импорта. Своего рода протекционизм, который постигнет развитие отечественного производителя.

Я слегка прокашлялся и продолжил:

– Насчет помещичьих имений. Большинство из них давно уже заложены и перезаложены, и являются таковыми лишь по названию. Государство должно выкупить их, и на базе этих имений основать то, что в наше время называлось совхозами. То есть – государственное сельхозпредприятие, где работники получают твердую зарплату плюс премии за хорошую работу. Это не батрак, который отработывает взятое в долг... Ну а теперь, господа, вернемся на минутку на землю – то есть в деревню. Урожай сам-три, сам-четыре в крестьянских хозяйствах – это просто позор. Для сравнения: в той же Германии с применением удобрений и передовых агротехнологий урожаи выше на порядок. Но если даже направить в село достаточное количество агрономов и начать продажу удобрений, то вряд ли с ходу удастся переломить вековой консерватизм крестьянской общины. В то же время община может быть и полезна. Например, как база для создания коллективных крестьянских хозяйств или кооперативов, тут важно не название. Эффективность подобных форм ведения сельского хозяйства доказали израильские киббуцы, признанные одними из самых удачных сельхозпредприятий. Ну, и общины, ставшие колхозами, могут противостоять деревенскому кулаку-миroeду. Своего рода крестьянскому Шейлоку, который нещадно эксплуатирует своих же односельчан, давая им деньги в рост под большие проценты. Он же, кулак-миroeд держит единственную в деревне лавочку, в которой продает односельчанам товары с большой наценкой и он же скупает по дешевке выращенную другими сельхозпродукцию, перепродавая ее потом втридорога в городе. В этом отношении кулаку не дадут развернуться сельские потребкооперативы, крестьянский банк, который может ссудить крестьян деньгами под нормальные, не грабительские проценты, а также заготовительные конторы и прочие структуры, закупающие продукцию напрямую у производителей.

Я посмотрел на своих задумавшихся собеседников. Познанский иронически усмехался, а Эбергард задумчиво смотрел в окно.

– Хорошо, – сказал жандарм, – на словах все это выглядит очень даже заманчиво. Только что вы с выселенными делать собираетесь? Ведь были уже программы переселения, но предложенного вами масштаба они ни в коем разе не достигали. Это ж подумать только – сорок миллионов!

Я на это ответил:

– Да, но теперь у России имеется Транссибирская магистраль, стараниями князя Хилкова в стране строится ежегодно сотни километров новых железных дорог. Теперь можно перевезти на восток все необходимое для заселения Сибири и Дальнего Востока. Но одновременно с колонизацией в Сибири и на Дальнем Востоке надо провести и индустриализацию. Для новой переселенческой программы необходим целый комплекс подготовительных мероприятий. Прежде всего надо законодательно установить льготы для тех, кто намерен отправиться на освоение новых территорий. Подъемные, освобождение на определенное количество лет от налогов – это крайне необходимо для переселенцев. В Сибири крестьян лучше всего

селить компактно. В тех суровых местах крайне нужна взаимовыручка, помощь в обработке земли и строительстве села. Таким образом, через год-два сложится новая община. Привычка к совместной работе позволит крестьянам легче и безболезненно объединиться в коллективное хозяйство. Государство же может поманить их туда пряником: предложить по льготным ценам сельхозинвентарь, лошадей, молочный скот, птицу. Но тут же продемонстрировать и кнут – все это продавать не по дворам, а на всю общину разом. И сразу же заключать с общиной договор о том, что первые пятнадцать или двадцать лет община работает как артель по совместной обработке земли и обязуется выполнять рекомендации агронома. Две трети посевных площадей засеивать по государственному плану, одну треть – свободно. Госзаказ выкупается по твердой цене, также по твердой цене поставляются семена, племенной скот, удобрения и услуги машин. На уезд необходима одна машинно-тракторная станция и один племенной конезавод. В смысле, для разведения рабочих пород лошадей, привычных к суровому сибирскому климату и более выносливых и работоспособных, чем нынешние крестьянские лошадки, которые и плуг-то не всегда могут потянуть. Все это должно стать основой для создания в Сибири мощной промышленности на новой технологической базе. В первую очередь селить переселенцев вокруг будущих промышленных узлов. Да, пай в артели должны быть неделимыми, следовательно, все сыновья крестьянина, кроме одного, должны заранее выучиться на разные специальности и найти себе работу в промышленности. Не обязательно в городе: на селе появится немало новых специальностей, которые там будут востребованы. Поэтому в новых местах сразу начинать вводить всеобщее четырехклассное, а потом и профессиональное образование.

– Уважаемый Александр Васильевич, а кто построит эти заводы? – спросил Эбергард.

– Вы имеете в виду тех, кто будет расчищать территорию под стройплощадку и копать землю под фундаменты? Это могут сделать сезонные рабочие, которые будут по мере надобности кочевать от одной стройки к другой. Местные крестьяне могут работать лишь в зимнее время, после окончания сельхозработ, но зимой фундаменты не закладывают и деревья не корчуют. Ну, а возведение стен, установка станков и прочего оборудования – это дело профессионалов. Могу вам сказать, что в это время профессии каменщика, сварщика, или монтажника станут самыми престижными и самыми высокооплачиваемыми.

– Нет, я спрашивал, откуда взять деньги на все это...

– Ах, вы о деньгах? Мы тут после Байкала обменялись с Наместником радиogramмами и прикинули, что на два первых таких агропромышленных ядра на Квантуне и в районе Фузана мы, скинувшись, денег наскребем. Призовые там, контрибуция с Японии и другие источники, о которых мы пока распространяться не будем. Великий князь Александр Михайлович согласился войти в дело, он собирался и государя уговорить – миллионов десять личных денег вложить. ЗАО «Белый медведь» – как вам такое название? А потом, вы даже не представляете, насколько прибыльным может быть подобное высокотехнологизированное вертикально-интегрированное производство по сравнению с местным. Дальше все по законам бизнеса: прибыли вкладываются в развитие новых производств и привлекают новых пайщиков и новые деньги. Вложится в это дело казна – так вообще замечательно...

Я перевел дух и продолжил:

– Но при этом вот что самое важное – порядок в управлении должен быть идеальный. Причина девяти из десяти всех провалов программ переселения и возмущения переселяемых заключалась в вороватости чиновников. Необходимо ужесточить нынешнее уголовное законодательство. За казнокрадство – или смертная казнь, или высылка за Урал. Чиновничеству надо накрепко вбить в голову, что красть у государства – не только преступление против всех божеских и человеческих наставлений, но и смертельно опасное занятие.

– Не могу возразить, – кивнул жандарм, – иногда самому хочется всех этих мздоимцев и казнокрадов перевешать. Только как вы собрались охранять собственность?.. А, понял: в деле

доля Государя и казенные деньги! Тогда да, однозначно, по указу Петра Алексеевича можно вешать и за копейку...

– Ну, за копейку как раз только высылать, – ответил я, – а вот если суммы большие или через этого вора люди пострадали, то вешать однозначно. Например, спер чинуша вспомоществование, выделенное переселенцам, и пытается им же продать эти продукты за деньги. В той истории такое частенько бывало. Вот с такими людьми можно даже на мыле экономить. Но это еще не все... Впрочем, о порядках на заводах мы поговорим позже. Вы мне пока на слово поверьте: если с русскими людьми поступать, как с человеками и братьями во Христе, а не как со скотом бессловесным, они и горы свернут, и море на их месте выроют. Недаром Светлейший князь Потемкин-Таврический говаривал – «Деньги – ничто, а люди – все». И ведь отстроил же Новороссию и Тавриду за те же десять лет. А ему сложнее было: ни тракторов, ни железных дорог. Только все это, господа, потребует высочайшей согласованности и упорядоченности, а еще концентрации всех сил России. Да и чтобы нас, пока мы перестраиваемся, не втравили в новую войну... Вот так. Все это надо еще раз продумать и проработывать, чтобы не сделать хуже.

– Александр Васильевич, а почему, по вашему мнению, вся новая промышленность должна быть за Уралом? – тихонько спросил меня Познанский, когда Эбергард, извинившись, ушел в свое купе. – Почему не Москва, не Петербург, не Киев, и не Юзовка?

– Во-первых, Михаил Игнатьевич, про две Мировые войны, что были в нашей истории, вы уже слышали, ответил я. – Дважды нам приходилось эвакуировать из европейской части России заводы и фабрики, часто под угрозой захвата противником, под артобстрелом и бомбежкой. Лучше уж создать несколько индустриальных центров за Уралом, подальше от европейских границ, откуда на нас столетиями нападали, и поближе к месторождениям полезных ископаемых, пока не известных и открытых уже в наше время. Сибирь в XX веке дважды спасала Россию. В Великую Отечественную войну, когда на ее территории заработали и стали производить боевую технику эвакуированные из европейской части страны фабрики и заводы, а сформированные и обученные дивизии сибиряков сдержали натиск германцев на Москву, а потом разгромили их в жесточайшем сражении у стен Первопрестольной. Второй раз – после так называемой «Перестройки», когда лишившаяся значительной части своей территории наша страна напоминала Русь после нашествия Батыя. Сибирские нефть и газ позволили спасти российскую экономику и выжить. Кстати, Сибирь спасла Россию и в XVII веке, когда после Смуты государство лежало в руинах. Сибирская «мягкая рухлядь» – меха – стали универсальной валютой, на которую за границей закупалось оружие, новые передовые технологии, нанимались иноземные мастера. Наконец, взятки мехами помогали российской дипломатии решать многие вопросы. И вот в наше время за океаном находятся человекоподобные зверушки, заявляющие, что богатства Сибири должны принадлежать всему мировому сообществу... Если сибиряков будет не пятьдесят миллионов, а пятьсот, никто об этом и пикнуть не осмелится. Поверьте мне: там, в недрах Сибири, Дальнего Востока и Российского Севера скрыты такие сокровища, с которыми не сравнятся ни Клондайку, ни Австралии, ни алмазным копам Южной Африки...

– Охотно верю вам, – сказал ротмистр и встал. – Позвольте откланяться, надо еще раз поразмыслить над книгой и вашими словами. Только вот Государь наш быстро загорается и, к несчастью, быстро тухнет...

– Знаю, – вздохнул я, – и потому там, где товарищу Сталину можно было переть напролом, мы должны извращаться со всякими ЗАО... Но, надеюсь Господь не оставит нас своими милостями.

– Бойтесь просить милостей господних, – усмехнулся жандарм, – ведь вы можете их получить. Честь имею!

22 (9) февраля 1904 года. Вечер. Берлин. Кабинет Морского министра Германской империи адмирала Альфреда фон Тирпица.

В дверь кабинета тихо, бочком, вошел адъютант Морского министра.

– Экселенц, – обратился он к своему начальнику, – в приемной ждет капитан цур зее фон Тротта. Он просит срочно принять его, у него для вас экстренное сообщение.

– Пусть войдет, – сказал адмирал Тирпиц.

Тридцатишестилетний Адольф фон Тротта сравнительно недавно работал в министерстве, занимаясь деликатным делом – военно-морской разведкой. Он курировал Тихоокеанское направление. Оно было ему хорошо знакомо – всего несколько лет назад фон Тротта служил в Восточно-Азиатской крейсерской эскадре германского флота, командуя миноносцем.

Вошедший офицер после подчеркнуто четкого приветствия сразу перешел к делу.

– Господин адмирал, сегодня утром поступила срочная информация от нашего агента в Британском Адмиралтействе. Ему удалось получить сведения, касающиеся одной тайной операции, которую корабли Ройял Нави собираются провести против русских на Дальнем Востоке в непосредственной близости от нашей базы Циндао.

Фон Тирпиц прищурился.

– Докладывайте, Адольф, это очень важная информация. Запомните: все, что касается происходящего в районе боевых действий у побережья Японии и Кореи, необходимо сообщать мне без промедлений. И еще – этими событиями интересуется лично кайзер!

– Так точно, господин адмирал, я помню об этом... – фон Тротта кивнул головой, – поэтому я направился к вам сразу же после получения шифровки от нашего агента. – Капитан цур зее раскрыл папку. – Итак, агент сообщает, что штаб Британского флота, получив указание от первого лорда Адмиралтейства и при личном одобрении премьер-министра Великобритании начал разработку операции, заключающейся в провокации против одного из кораблей Российского Императорского военно-морского флота, который осуществляет контроль над судоходством в водах Желтого и Восточно-Китайского морей. Предположительно все случится в районе гавани Шанхая. При этом... – капитан цур зее замялся, – целью провокации будет не обычный русский крейсер или канонерка.

Фон Тирпиц насторожился.

– Провокация будет направлена против русского корабля, входящего в эскадру контр-адмирала Ларионова?

– Именно так, господин адмирал, – кивнул Фон Тротта, – британцев интересуют только эти корабли. И они готовы на все, чтобы захватить один из кораблей эскадры адмирала Ларионова и взять в плен членов его команды.

– Продолжайте, Адольф, – сказал фон Тирпиц, – и, ради всего святого, постарайтесь не упустить ни одной даже самой мельчайшей детали из сообщения нашего агента. Это очень важно для будущего Германской империи.

Фон Тротта продолжил свой доклад:

– Агент сообщил, что британцы собираются использовать весьма подлую тактику. Из Гонконга в направлении Шанхая выйдет обычный грузопассажирский пароход, который уже в море поднимет французский флаг...

– Доннерветтер! – не выдержав, выругался фон Тирпиц, – эти джентльмены могут быть джентльменами только у себя на острове. В других местах они ведут себя как подлые обманщики, не имеющие понятия ни о правилах ведения войны, ни о чести и совести...

– Господин адмирал, трюки с чужим флагом они проделывали уже не единожды, – заметил капитан цур зее. – К примеру, при подготовке нападения на русский порт Петропавловск-на-Камчатке во время Крымской войны британский военный пароход вел разведку русских позиций под флагом САСШ...

– Извините, Адольф, что я вас перебил, – сказал фон Тирпиц, – но я не смог сдержать негодование, услышав о подлых приемах, к которым прибегают эти «лаймиз».

– На этом судне под флагом Франции в трюмах и надстройках будут спрятаны британские морские пехотинцы, – продолжил доклад фон Тротта. – Англичане рассчитывают, что русские, осматривая все следующие в направлении Японии суда на предмет военной контрабанды, захотят проверить и это судно. При приближении русского вспомогательного крейсера (в этом районе обычно находится один из двух их однотипных крейсеров – «Смольный» или «Перекоп») британцы поднимут флажной сигнал: «Терплю бедствие! Нуждаюсь в помощи». И вывесят на реях черные шары. Словом, имитируют неисправность двигателя. А когда русский корабль приблизится к британскому на минимальную дистанцию, «лаймиз» дадут полный ход, максимально сблизятся со своей целью, после чего морские пехотинцы пойдут на штурм...

– Ну прямо как во времена Дрейка и Моргана, – заметил фон Тирпиц, – эти британцы всегда в душе остаются пиратами, даже в смокингах и цилиндрах. Похоже, что страсть к захвату чужих кораблей у них в крови.

– Для страховки неподалеку от этого пиратского, как вы сказали, судна будет находиться британский крейсер «Тэлбот», – продолжил фон Тротта. – Его команда и капитан, командер Бейли, уже имели дело с кораблями эскадры адмирала Ларионова. Они находились в Чемульпо во время рокового для адмирала Уриу боя с крейсером «Варяг». В случае необходимости крейсер «Тэлбот» поддержит штурмующих или, в случае неудачи захвата, своими шестидюймовыми пушками расстреляет русский вспомогательный крейсер.

– Гм, подлый план придумали эти «лаймиз»... – сказал фон Тирпиц, задумчиво поглаживая свою роскошную бороду, – но, во всяком случае, он имеет немало шансов на успех. Все будет зависеть от внезапности нападения и храбрости британских морских пехотинцев. Ну, трусами их назвать было бы несправедливо, поэтому главное – внезапность...

– А вот с этим у них ничего не выйдет! – торжествующе сказал адмирал, взглянув на фон Тротта. – Не будет у них внезапности, потому что русских предупредят... – В ответ на вопросительный взгляд капитана цур зее адмирал, хитро подмигнув, продолжил: – и предупредим их мы. Всю жизнь мечтал увидеть, как британского льва макнут мордой в грязную лужу.

– Адольф, – твердым голосом человека, привыкшего отдавать приказы, произнес фон Тирпиц, – срочно подготовьте зашифрованное сообщение для губернатора Циндао фон Труппеля. Изложите в нем все то, о чем вы мне сейчас рассказали, не указывая, естественно, источник информации. Подтвердите лишь, что источник вполне достоверный. И передайте приказ фон Труппелю: сразу после расшифровки сообщения связаться с адмиралом Ларионовым и проинформировать о готовящейся провокации. Продублируйте сообщение германскому консулу в Сеуле и вице-адмиралу Макарову в Санкт-Петербурге.

– Но, господин адмирал, ведь эти русские... – подал было голос фон Тротта.

– Никаких «но», господин капитан цур зее! – строго сказал фон Тирпиц. – «Эти русские» могут оказать нашему Рейху неоценимую услугу. После того как они испортили отношения с Францией, наш кайзер решил взять курс на сближение с Россией. Вы даже не можете представить, какими фантастическими возможностями обладает эта эскадра! Союз с Россией делает Германию фактически непобедимой. И оказывать им полное содействие – это даже не мое личное требование, а приказ Его Величества кайзера Вильгельма II. И мы, как его подданные, обязаны сделать все, чтобы выполнить повеление нашего монарха. К тому же лично мне не совсем нравится эта грязная провокация. От нее мерзко пахнет. Так что мы должны как можно быстрее и как можно точнее доложить контр-адмиралу Ларионову (с которым, как я понял, у фон Труппеля сложились неплохие личные отношения) о готовящейся британской подлости. Адольф, запомните: о русских говорят разное, но еще никто и никогда не называл их неблагодарными свиньями. Они умеют помнить добро, и эта маленькая услуга в будущем может принести нам немалые дивиденды. Кроме того, русские помнят и зло, и в случае провала британцы

окажутся в такой заднице, из которой им будет трудно выбраться. К тому же русские им не простят этой провокации. И создать коалицию России, Франции и Англии, которая острием своим будет направлена против нас, уже просто не получится. – Адмирал помолчал несколько мгновений и добавил: – Так что действуйте, Адольф. Чем быстрее контр-адмирал Ларионов получит наше предостережение, тем лучше он сможет подготовиться к британской подлости. И я не сомневаюсь, что русские морские пехотинцы, которые, как я слышал, есть на каждом их корабле, смогут дать достойный отпор своим английским коллегам. Во всяком случае, если верить фон Труппелю (а я склонен ему верить) они подготовлены так, что вряд ли кто сможет с ними тягаться. Итак, Адольф, за дело! Я буду рад услышать в самое ближайшее время о том, как парни контр-адмирала Ларионова надрали задницу этим чопорным английским пиратам, которые возомнили, что им все можно и что они самые лучшие моряки на свете!

23.02.1904. Утро. станция Мукден. поезд литер А. Великий князь Александр Михайлович.

Через сутки мы будем на месте. Настало время собраться и поговорить. Стучат колеса на рельсовых стыках, все ближе и ближе финиш нашей поездки. По прибытии откровенно разговаривать будет уже поздно. Все эти четыре дня мы сменяли друг друга у Ольгиного ноутбука. Вот и я «причастился» у источника знаний из будущего, перечитывая собственные мемуары, изданные в Швейцарии в тридцатых годах этого века.

Ужас и шок – вот что испытал я (как, впрочем, и каждый из нас), погружаясь в будущее, против которого сражаются наши потомки. И суть даже не в том страшном конце, что должен постигнуть Империю через тринадцать лет. Главное то, что эту катастрофу приближали сотни и тысячи вполне воспитанных и образованных людей, среди которых были и члены Императорской фамилии, и крупнейшие фабриканты, и банкиры, и агенты французской и британских разведок.

Кто-то из них хотел власти неограниченной, как у монарха, кто-то – барышей, а в некоторых просто кипел либерал-радикализм. Ники своей политикой, внутренней и внешней, довел общество до такого состояния, что все хотели перемен, и никто не подал ему руку помощи. А противников и прямых врагов у него было хоть отбавляй. В оправдание ему можно отметить, что в истории Государства Российского еще не было императора, на которого сваливалось бы столько проблем сразу. Одна гемофилия у единственного сына-наследника чего стоит... Я думаю, Ники согрешил, когда выбрал себе неподходящую пару и умолял отца, лежащего на смертном ложе, благословить этот брак.

Потом случились Ходынка, «Кровавое воскресенье», Цусима, эта инспирированная англичанами война с Германией... Кровью людей, пришедших приветствовать его, своего императора, началось царствование Ники, и закончилось оно реками крови в Гражданскую войну. Воистину Николай заслуживает прозвище «Кровавого».

И, главное, из текста моих же мемуаров следует, что я несколько раз предупреждал Ники, но, на свою беду, он меня не послушал. Самое обидное в том, что новая мировая война, которая начнется в 1939 году, ровно через четверть века после начала первой, показала другой пример построения государства. Сталинский СССР, вооруженный «самым передовым и прогрессивным учением», несмотря на страшную силу, обрушившуюся на него, в итоге наголову разбил германскую военную машину. Сначала, правда, пришлось отступать до самой Волги, но зато потом русский солдат дошел до Берлина и Вены. Помощь союзников? Да это просто смешно. Как и во время Отечественной войны 1812 года, в таком деле важно единство русского народа и вера в святость своего дела.

Сын грузинского сапожника, Джугашвили сумел собрать из обломков Российской империи такое государство, которое по праву можно было бы назвать сверхдержавой. Это была «Красная империя» во главе с «Красным императором». И ужасный конец той великой страны

еще больше укрепил меня в моих монархических убеждениях. Если бы Горец мог оставить страну своему сыну, не было бы тогда такого хаоса и сменяющих друг друга дилетантов на троне.

А сейчас следует при первой же возможности встретиться с молодым Джугашвили и поговорить с ним. Идея совместить положительные элементы Российской Империи и Сталинского СССР все больше овладевает моим умом. Без этого России не выстоять против всего западного мира, стремящегося не просто ограничить ее рост, но поделить на части, выкроить из нее для себя куски пожирнее. От объединения Европы против нас пока спасает лишь перманентный, тлеющий уже четвертый десяток лет конфликт между Францией и Германией.

Но все хорошее однажды кончается. Или Германия разгромит и расчленил Францию, или союзники по Антанте и САСШ сумеют разгромить Германию и, как было в Версале после нашей Первой Мировой Войны, заложат под европейское устройство бомбу, которая грохнет через тридцать лет. Но, в любом случае, как только в Европе появится неоспоримый гегемон, она дружно отправится походом против нас. И мы, Романовы, должны быть готовы к этому. Необходимо помнить об угрозе, исходящей с запада, и направлять все наши дела на ее предотвращение и отражение.

В салон-вагон заходит Ольга; глаза у нее заплаканные. Опять, наверное, смотрела какой-нибудь душещипательный фильм с трагическим концом. Ага, и Михаил вместе с ней: придерживает сестру под руку – значит, смотрели вместе, и что-то военное. Наш будущий «военный гений» мелодрамы про «любоф» на дух не переносит, просто убегает. А вот военные фильмы может смотреть часами. Есть в них нечто, что завораживает мужчин. Окошко в другой мир, яростный и беспощадный, где идет борьба не на жизнь, а на смерть... У Михаила вид решительный – изменился мальчик за эти четыре дня, повзрослел.

– Доброе утро, Сандро. – Звякнув шашкой, Михаил присел за мой столик. – Что такой невеселый? Мы почти доехали. Уже через сутки будем в Порт-Артуре, а там уже и до Кореи недалеко. Я вот что подумал: интересно, а почему Ники вслед за нами адмирала Макарова не послал, как в тот раз? Неужто на Алексеева надеется?

– Больше на Ларионова, – ответил я, отодвигая от себя чашечку кофе и делая стюарду знак, чтобы принес еще, мне и Михаилу с Ольгой. – Пойми Миша, Ники совершенно прав. Тут, на Дальнем Востоке, управятся и без Макарова. А вот если англичане полезут к Петербургу, то в Кронштадте Макаров будет как раз на своем месте.

Михаил удивился.

– Ты полагаешь, англичане влезут в эту войну?

– Влезут или нет – зависит от того, как Ники себя поведет, – ответил я, – для того и армию перебрасывают не в Манчжурию, как в тот раз, а в Туркестан. В Манчжурии трудами адмирала Ларионова и его соратников нашим солдатам уже и делать-то нечего. А из Туркестана рукой подать как до Персии, так и до Индии. Для того и Макаров на Балтике – встретить британские броненосцы на дальних подступах к столице – например, в Датских проливах. Если Ники заручится еще и поддержкой кайзера Вильгельма, что почти неизбежно, то русско-германо-датский флот сумеет не пропустить бриттов в Балтику. Фон Тирпиц – это еще тот рыжий черт, и стоит нашего Макарова... Я думаю, Миша, на войну они не решатся, это был бы для них самый простой выход. Тут от них мелких пакостей ждать надо. Революционеры-нигилисты-бомбисты и журналисты-либералы-масоны – вот каким будет их оружие в этой войне, а отнюдь не броненосцы. Ненавидят они нас люто еще чуть ли не со времен наполеоновских войн, но умеют эту ненависть затаивать и наносить удары из-за угла.

– Сандро, Миша! – подала голос Ольга. – Ну что вы все о войне да о войне! А без войн как-нибудь можно?

– Оля, – ответил я, – со времен Каина и Авеля сильный отбирал у слабого еду, одежду, дом, женщину. Если ты не хочешь, чтобы тебя ограбили и убили, ты должен быть сильнее

своего обидчика. Англия как ведущая мировая держава поднялась с помощью пиратов, грабивших испанские галеоны с серебром и золотом. Эти повадки грабителей с большой дороги никуда не исчезли и по сей день – старого пирата не перевоспитаешь, его можно успокоить, лишь повесив на рее. И еще: для пиратов нет законов чести, для них ради успеха допустима любая подлость, любой обман. Бесполезно вести с ними дела как с обычной нацией – к примеру, с французами или германцами.

– Но, Сандро, у французов верность слову и честность тоже не ночевали, – поправил меня Михаил, – вспомни, как их император Наполеон завалил Россию фальшивыми деньгами, которые печатались в Париже. А сейчас они за нашей спиной договариваются с британцами. А еще союзники называются. Правильно их Ники осадил, должны знать свое место...

– Твои немцы тоже не сахар, – огрызнулся я. – Сегодня друзья, а завтра – нож в спину. Вспомни, как на Берлинском конгрессе Германия отплатила твоему деду за все добро. Ты действительно думаешь, что дружба с Германией – это надолго? Стоит им подмять под себя Европу, как пойдут совсем другие песни. Сторону на войне они меняют с легкостью необычайной. Вспомни: сначала они воевали против Наполеона, и он разбил их при Йене. Потом пруссаки вместе с прочими немцами пришли с тем же Бонапартом к нам в 1812 году. Потом они же вместе с русской армией сражались против французов под Лейпцигом, Кульмом – скажу прямо, сражались неплохо... Но опасаюсь я, Миша, таких союзников. Уж лучше по заветам твоего отца надеяться только на собственные армию и флот. Боюсь, что будет наихудший вариант – Россия против всей Европы. Выстоять-то мы выстоим, силой Россию еще никто не побеждал. Но столько крови прольется, что мне даже думать об этом страшно! Мировую войну можно только оттянуть, но не избежать, в этом я готов поверить потомкам. И к этой войне надо готовиться, готовиться каждый день и час. Но ты ведь знаешь, как непостоянен Ники в своих пристрастиях. Страну надо поднимать на дыбы, как сделал это Петр Великий – может, тогда что-то и успеем. Только руки у нынешнего самодержца слабоваты. Во времена твоего Папа все было бы куда проще, да и в Европе с ним считались.

Михаил вздохнул.

– Очень жаль, что Папа с нами нет. Так что нам придется справляться самим. И с Ники, Бог даст, все образуется. Вроде он неплохо начал. Я о другом: чтобы подготовить Россию к такой войне, надо многое менять. Мне кажется, что совершенно недопустимо, когда дворяне, опора монархии, уваливают от военной службы. Был бы я на месте Ники, я бы таких, простите меня, «столбовых туенядцев» загонял в Тмутаракань Сибирскую, невзирая на титулы и заслуги их отцов и дедов. И ведь таких в нашем дворянстве больше половины, если не более.

– В нашем дворянстве хватает выходцев из гонимой польской шляхты, – возразил я, – многие из них честно служат России, но есть и такие, которые лишь мечтают нагадить «клятым москалям» при первом же удобном случае. Вспомните, как будущий диктатор Польши Юзеф Пилсудский сразу после нападения японцев на Порт-Артур помчался в Японию, чтобы заручиться поддержкой у наших врагов, обещая им взамен проводить диверсии на Транссибирской магистрали и агитировать против России и царя. Ох, не любят нас паны, мечтающие о возврате границ Ржечи Посполитой «от можа до можа»... Того и гляди, взбунтуются в очередной раз.

– Ну, значит, Магадан тогда заговорит по-польски... – усмехнулся Михаил и, видя мое непонимание, добавил: – Есть в этом чемоданчике-ноутбуке книжка Ланцова «Александр» – о том, как в нашего Папа в раннем детстве вселился дух солдата из будущего. Знаешь, при жизни он был человеком, с которым соседним государям было непросто разговаривать, но с эдакой добавкой стал для них смертельно опасным. Есть там несколько замечательных идей, к которым нам стоит прислушаться. Мы с Ольгой, считай, двое суток только и делали, что читали...

– А при чем тут Магадан и поляки? – не понял я.

– А при том, что когда в той книжке поляки устроили очередной свой «рокош», наш ПапаА сказал эту фразу, и вывез всех шляхтичей в тот самый Магадан, – весело сказал Михаил. – Конечно, кроме тех, что служили Империи верой и правдой... Ладно, Сандро, книжки книжками, но в государстве действительно черт знает что творится. Так нас скоро не только немцы с французами, а зулусы или папуасы завоевать смогут. Нужно что-то делать!

– Что-то или ты точно знаешь что? – переспросил я.

– Точно сейчас никто не знает – ни ты, ни я, ни Ольга, ни Ники, ни даже наши пришельцы из будущего. Хотя они думают, что знают. Но их рецепты – совсем для других условий. Какие-то из них правильные, а какие-то нет. И я считаю, что надо сделать все возможное, чтобы не допустить этих самых трех революций и Гражданской войны. В такой войне нет победителей и побежденных, в ней неправы все. Чтобы снять внутреннее напряжение в стране, наверное, в первую очередь необходимо переселить максимально возможное число народа на малозаселенные земли в Манчжурии и по Амуру. Когда у мужика есть земля, есть хлеб, есть возможность досыта наестся и накормить свою семью – он не бунтует, а пашет... Да и окраины за собой можно закрепить только так, иначе не хватит никакой стражи и никаких казаков.

– Миша, смотрел я их расчеты, – вздохнул я, – переселять надо сорок миллионов человек. Ты представляешь, как это будет выглядеть?

– Представляю, Сандро, но «À la guerre comme à la guerre» – «На войне как на войне», – ответил Михаил. – Не хотелось бы, но, возможно, придется заселять, как говорят наши потомки, «добровольно-принудительно». А как Петр Великий заселял Петербург, а Екатерина Великая – Тавриду? Ставки в этой игре огромные. Пойми: мы или сделаем это, или нас сожрут. Потом начнется то же самое с заводами – мы или построим их нужное количество, или нас сожрут. Потом – то же самое с усилением армии и прочим...

– А кто против? – я посмотрел на Михаила с Ольгой. – Идите-ка вы, голубчики, в свои купе, и ложитесь спать. Глаза у вас обоих красные, как у кроликов. Читали-то небось всю ночь? А на эту тему мы еще не раз поговорим. Поймите, трудно сделать так, чтобы и овцы были сыты, и волки целы... Ну, вы понимаете, о чем я. Михаил, скажи своему денщику, пусть принесет ноутбук в мое купе, теперь я читать буду.

23 (10) февраля 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. Здание МИД Российской империи у Певческого моста.

Кабинет министра иностранных дел Петра Николаевича Дурново.

Рано утром, сразу после моего прихода на службу, меня известили, что в приемной моей аудиенции дожидается посол Великобритании сэр Чарльз Стюарт Скотт. Всего неделю назад мы с ним имели довольно трудную и напряженную беседу. Ситуация за это время не улучшилась, даже наоборот. Контр-адмирал Вирениус, перегонявший на Тихий океан отряд кораблей в составе броненосца «Ослябя», крейсера «Аврора» и нескольких миноносцев, развернул в Красном море активную охоту на пароходы, перевозящие грузы для Японии. В числе задержанных судов, везущих контрабанду, были британские суда. И если действия эскадр контр-адмирала Ларионова и Наместника Алексеева в Тихоокеанских водах довели русско-британские отношения до критической точки, то действия орлов адмирала Вирениуса вызвали у «Владычицы морей» форменную истерику. И это при том, что наши моряки неукоснительно соблюдают все пункты Призового права.

Надутый как индюк джентльмен от имени своего Правительства вручил мне ноту для передачи Государю. Прочитав сей документ, я не поверил своим глазам. Нота была чрезвычайно грубой и оскорбительной по стилю и наглой по содержанию. В ней правительство короля Эдуарда VII предписывало Российской империи: немедленно снять морскую блокаду с Японских островов; рассмотреть международным судом неправомерные действия командиров российских военных кораблей, занимающихся «пиратством» в международных водах (это о наших

моряхах – они совсем там с ума посходили на своих островах?!); при посредничестве европейских держав немедленно приступить к переговорам с правительством Японской империи о заключении «вечного и справедливого мира».

Вот так – «вечного и справедливого», ни больше, ни меньше. Не далее, как три дня назад, Государь, встречаясь со мной, предупредил, что, по имеющимся у него сведениям, в ближайшее время со стороны Британии может последовать довольно резкий дипломатический демарш. Но такой наглости, наверное, не ожидал даже он. Таким тоном дипломату неуместно разговаривать даже с диким африканским вождем, а не что с Императором Всероссийским. Внутренне я был просто взбешен такой наглостью, но, как дипломат и министр иностранных дел огромной империи, не мог себе позволить проявить эмоции, которые меня переполняли.

Усилием воли я сохранил спокойное и невозмутимое выражение лица и ровным голосом сообщил сэру Чарльзу Скотту, что нота будет немедленно доведена до сведения Государя, и ответ на нее, в том или ином виде, будет доведен до сведения британского Кабинета Министров.

Скотт открыл рот, собираясь что-то сказать, но после такой ноты всякие разговоры были излишни – так что я прервал его, сказав, что аудиенция окончена и я его больше не задерживаю. На лице у посла не дрогнула ни одна мышца, и он, чопорно поклонившись, покинул мой кабинет.

Сердце у меня громко билось где-то под самым горлом. Полвека назад Британская империя в союзе с Францией уже напала на Россию. Все закончилось тогда гибелью Черноморского флота, захватом полуразрушенного врагом Севастополя и позорным Парижским миром. Никто не снискал большей славы, чем героические защитники Севастополя. Я был тогда совсем ребенком, но хорошо помню горькое чувство бессилия и стыда, которое мы все испытывали тогда. Господь наказал нас за спесь и самодовольство, овладевшие нашими отцами и дедами после разгрома Наполеона и Венского конгресса.

И вот над нашими головами снова сгущаются тучи. Сможем ли мы достойно ответить на этот вызов и смыть позор полувековой давности?

Позвонив в колокольчик, я приказал послать гонца в Зимний дворец с сообщением, что намереваюсь испросить срочной аудиенции у Его Величества по неотложному государственному делу.

Тот же день, около полудня, Санкт-Петербург. Зимний Дворец.

Министр иностранных дел Российской империи Петр Николаевич Дурново.

Государь принял меня безотлагательно. Как я уже говорил, он ожидал со стороны британцев подобного демарша, но даже он не мог себе представить всей беспрецедентной наглости британцев. Самообладание не изменило ему и на этот раз. Дочитав ноту, он аккуратно положил ее на стол.

– Ну, Петр Николаевич, что вы об этом обо всем думаете? – голос государя был ровным и спокойным.

– Ваше Императорское Величество, мое мнение таково. Британия к войне прямо сейчас не готова, – ответил я, – в ноте нет никаких угроз применения силы или торговых санкций, а есть только голые требования. Расчет здесь на то, что мы испугаемся и хоть что-то из этого списка выполним.

– Может быть, – уклончиво ответил Государь, и усмехнулся в усы. – А что у них там с этим Сердечным Соглашением?

– Пока заминка, Ваше Величество, – ответил я, – сумятицу в переговоры внесла та выволочка, которую вы устроили месье Бомпару. Теперь франки и бритты торгуются между собой, как на восточном базаре. Видите ли, для Франции цена соглашения выросла и стала почти неоплатной, поскольку заключение союза с Великобританией теперь означает разрыв с Рос-

сией. Для Британии же, наоборот, ценность этого соглашения резко упала в связи с тем, что Франция не приведет вместе с собой в британские конюшни Россию, что лишает смысла эту затею. Что такое Франция сама по себе, мы видели тридцать пять лет назад: Мец, Седан и Парижская коммуна...

– Так вы считаете, что Британия еще не готова... – Государь прошелся по комнате. – Это очень хорошо. Это значит, что мы сможем подготовиться получше к возможному конфликту... И определиться с союзниками...

– Петр Николаевич, – обратился ко мне император, – я попрошу вас пригласить ко мне сегодня вечером посла Германской империи графа Альвенслебена. Я считаю, что нам есть о чем с ним поговорить...

Я понимающе кивнул. В последнее время в здравомыслящих кругах нашего общества, авторитет Государя (ранее, признаться, не очень невысокий) резко вырос. Во-первых, это было связано с громкими победами в войне с Японией, а во-вторых, с изменениями во внешней политике после демарша Государя в сторону правительства Франции по поводу готовящегося к подписанию франко-британского договора «О Сердечном Согласии». Свою роль сыграла, несомненно, и отставка Витте, этого злобного интригана, который при каждом удобном случае старался поссорить общество с монархом и его семьей. Конечно, выйдя в отставку, Сергей Юльевич продолжил заниматься любимым делом, но теперь ему труднее было это делать. Узнав о подлинном лице господина Витте, многие просто отказали ему от дома.

Ну, а пока мы поговорили с Государем о состоянии европейских дел. Мне было что ему рассказать. Стоит отметить, что смена руководства МИДа положительно повлияла на его работу. Господин Ламсдорф, прекрасный дипломат и честнейший человек, был слишком мягок и бесхарактерен. В его ведомстве царили склоки и интриги, товарищи министра ненавидели друг друга, что не могло не сказаться на работе министерства. После отставки господина Ламсдорфа я изрядно почистил его «авгиевы конюшни». Кое-кто ушел в отставку, кто-то поехал умирять свои амбиции в качестве послов в Южную Америку, или еще куда подальше.

В первую очередь Государя интересовало состояние франко-британских и австро-германских дел. Я понимал направленность его вопросов – если оторвать Австрию от Германии и толкнуть в объятия нарождающейся Антанты, это закончится печально – и в первую очередь, для Австрии. Она лишится покровительства Германии, а новые союзники предадут ее при первом же удобном случае.

Так, за деловым и обстоятельным разговором, подошло время, назначенное для аудиенции германскому послу. Граф был по-немецки точен. Вошедший адъютант доложил, что посол Германской империи в приемной, и Государь велел пригласить его.

– Ваше Императорское Величество, добрый вечер. Я рад видеть вас, хотя и не знаю, чем вызвано ваше столь внезапное и срочное желание увидеться со мной? – произнес посол, несколько натянуто улыбаясь.

– И я рад видеть вас, граф, – кивнул в ответ государь, – столь внезапное желание побеседовать с вами появилось у меня после утреннего визита посла Британии в Российский МИД. Посол вручил господину Дурново ноту, которая, как мне кажется, войдет в учебники по истории дипломатии. В качестве примера того, как европейские государи не должны обращаться друг к другу. Вот, посмотрите, на некоторые «перлы» извлеченные из этой ноты...

Государь протянул фон Альвенслебену листок, куда были выписаны некоторые требования, предъявленные нам Британией.

По мере чтения лицо графа стремительно меняло выражение – от изумления к негодованию, а потом к брезгливости. Закончив читать, он осторожно положил бумагу на стол и внимательно посмотрел на меня и на Государя.

– Ваше Величество, но ведь это можно считать объявлением войны?!

– Не думаю, – ответил император. – Британия сейчас не готова к полномасштабной войне с Россией. Вы ведь прекрасно помните слова вашего коллеги, покойного канцлера фон Бисмарка: «Британия может воевать лишь тогда, когда в Европе найдется простака, который будет готов подставлять свои бока за ее интересы». Таких простаков в Европе сейчас нет. А вот нам с вашим императором стоит подумать над сложившейся ситуацией. Граф, я попрошу вас срочно сообщить кайзеру Вильгельму II о моем желании встретиться с ним. Я слышал, что он мечтает принять участие в охоте на медведя.

Граф Альвенслебен понимающе кивнул.

– Ваше Императорское Величество, я сегодня же отправлю соответствующее донесение кайзеру Вильгельму II. С вашего позволения, я сообщу ему о той возмутительной ноте, которую вы сегодня получили от Британского правительства.

Государь кивнул и стал прощаться с графом, которому, как я видел, не терпелось побыстрее попасть в посольство, чтобы сообщить своему монарху новость, которая со временем полностью поменяет расклад сил в Европе, да и в мире. Я прекрасно его понимал: такой «звездный час» случается в жизни не каждого дипломата.

23 (10) февраля 1904 года. Вечер. Где-то между Челябинском и Уфой, Поезд литер А.

Ротмистр Познанский Михаил Игнатьевич.

Весь день наш почтенный Александр Васильевич Тамбовцев ходил какой-то смурной. О чем он думал, трудно было понять. Можно было только догадываться. Иногда он останавливался у окна вагона и долго смотрел на бескрайнюю белую даль, на ели и сосны, засыпанные снегом.

Вечером, когда все собрались в салон-вагоне, прапорщик Морозов снова извлек свою легендарную гитару, что-то пытался на ней исполнить. Мрачно наблюдавший за его экзерсисами Тамбовцев отобрал у него гитару, побренчал немного, подкрутил колки – и инструмент стал издавать более-менее приличные звуки. Александр Васильевич вздохнул, прикрыл глаза и под стук колес своим хрипловатым баритоном запел:

*Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!*

*Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немца за Тихвин гнала!*

Сидевшая за столом наша, всегда невозмутимая и даже немного чопорная Нина Викторовна вздохнула, и стала подпевать Тамбовцеву красивым контральто:

*Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладого, бился на Волхове,
Не отступил ни на шаг.*

*Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,*

*Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.*

Я с удивлением слушал эту песню. Из книг наших гостей из будущего я уже знал, что в их времени Ленинградом называли Санкт-Петербург. Слышал я и о той страшной осаде, в которой находился этот город во время войны с германцами в 1941 – 1945 годах. Но вот в словах этой песни я услышал нечто былинное, такое, что брало за душу. А Тамбовцев и Антонова продолжали петь дуэтом под гитару:

*Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.*

*Встанем и чокнемся кружками, стоя, мы –
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!*

Тамбовцев закончил петь и отложил гитару. Глаза у него подозрительно блеснули. Обведя взглядом своих спутников, он сказал:

– Эх вы, господа-товарищи офицеры! Видать, забыли, какой сегодня день?

– Батюшки-светы! – воскликнул поручик Бесоев. – Двадцать третье февраля! Действительно, заработались, зарапортовались, и о главном празднике всех мужчин и позабыли.

– Ну, не только мужчин, – вклинилась в этот разговор полковник Антонова, – а в праздник всех, кто носит погоны и защищает Родину.

– Простите, Нина Викторовна! – поспешил с извинениями Николай Арсеньевич. – Вы правы, это мой мужской шовинизм мне подгадил.

– Извинения приняты, – добродушно сказала та, – ну что, друзья-товарищи, может, по нашей старой традиции выпьем за НАШ день?

Возражений не последовало.

Капитан Тамбовцев, с любопытством поглядывавший на меня, сказал:

– А вы, Михаил Игнатьевич, присоединитесь к нам? Я понимаю, что то, о чем вы сейчас слышите, для вас сплошная китайская грамота. Но поверьте – праздник, который мы хотим сегодня отметить, ничего крамольного не несет. Это память о боях с германцами в 1918 году, а не кровавой междоусобицы. И так уж сложилось, что в этот день у нас в стране все, кто служил или служит, отмечали его как общий праздник.

Когда коньяк уже был разлит по рюмкам и выпит, я спросил у Тамбовцева:

– А что за песню вы пели вместе с Ниной Викторовной?

– Эту песню, Михаил Игнатьевич, помнят и знают все те, кто жил, работал и умирал в блокированном немцами Ленинграде, – пояснил он. – В Блокаду у меня в Питере погибла половина родни. И я еще маленьким запомнил слова этой песни, когда во время семейного застолья мои родители, тетка, бабки, оставшиеся вдовами, вспоминали войну и начинали петь эту песню. Это «Застольная Волховского фронта».

– Волхов – это река такая в Санкт-Петербургской и Новгородской губерниях, – вспомнил я, – неужели немцы дошли до нее?

– Дошли, Михаил Игнатьевич... до самого Тихвина дошли. – вздохнул Александр Васильевич. – Но были выбиты оттуда. – Он посмотрел мне в глаза. – Эх, дорогой вы мой, вы даже представить себе не можете, как та война пропахала по судьбам всех наших соотечественни-

ков! Какой кровью и какими страданиями далась та Победа! Спросите у любого из нас, кто у них погиб в войну. И каждый вспомнил своих дедов, прадедов, других родственников. При чем, Михаил Игнатьевич, германцы убивали не только солдат в бою. Из двух сестер и брата моей бабки, которые оказались под немецкой оккупацией в Белоруссии, в живых осталась лишь одна сестра. А остальных немцы сожгли вместе с их весками – селами по-белорусски. Каждый четвертый житель Белоруссии был расстрелян, повешен, сожжен заживо.

– Не может быть! – воскликнул я, содрогнувшись от услышанного. – Каждый четвертый! Так ведь это миллионы людей!

– Да, Михаил Игнатьевич, каждый четвертый, – угрюмо подтвердил слова Тамбовцева поручик Бесоев, давно уже прислушивающийся к нашему разговору. – Даже до моей Осетии дошли немцы. Есть такое место у нас – Майрамадаг. Немцы рвались к Владикавказу, и на пути их в узком горном проходе Гизель встали курсанты военно-морских училищ – по-вашему гардемарины. Почти все они погибли, но немцы и румыны не прошли. Среди погибших под Майрамадагом были и мои родственники.

– Михаил Игнатьевич, – обратился ко мне капитан Тамбовцев, – чтобы понять нас и наши поступки, вы должны запомнить, что память о той Великой войне живет в каждом из нас. Это самое святое, что у нас осталось в жизни.

Неожиданно Нина Викторовна посмотрела на всех нас пронзительно трезвым взглядом, и четко сказала:

– А корешки-то всего этого ужаса, господа-товарищи – они здесь и сейчас, в Лондоне. Или мы их того... или все начнется сначала!

– Правильно, – поддержал ее Александр Васильевич. – Этих упырей успокоит только осиновый кол. И пусть этой войны, как мы надеемся, и не будет в вашей истории, но мы все равно будем о ней помнить, и сделаем все, чтобы ничего подобного не произошло. А пока, Николай Арсеньевич, налейте-ка еще по одной.

Весь вечер наши гости из будущего вспоминали своих родных, свой дом, пели песни, от которых у меня порой поднимался комок к горлу. Как можно было без слез слушать «Темную ночь...», «Враги сожгли родную хату...», «С берез неслышен, невесом, слетает желтый лист...».

Особенно запомнилась мне бравая, с маршевым ритмом, песня об артиллеристах, которым дал приказ Сталин. Мне показалось, что исполняя ее, гости из будущего посматривали на меня с улыбкой и каким-то вызовом.

Все пояснил Александр Васильевич: наклонившись к моему уху, он сказал:

– Уважаемый Михаил Игнатьевич, около месяца назад ссыльнопоселенец Иосиф Джугашвили бежал из места отбывания ссылки – села Нижняя Уда Балаганского уезда Иркутской губернии. Если бы мы выехали чуть раньше, мы могли бы встретиться с ним в пути. Этот ссыльнопоселенец и есть тот самый Сталин, о котором говорится в этой песне. Будущий глава «Красной империи» и Верховный Главнокомандующий в той войне. Я надеюсь, что в самое ближайшее время мы встретимся с ним – естественно, с помощью ваших коллег. Нам будет о чем с ним поговорить...

Увидев недоумение в моих глазах, Нина Викторовна добавила:

– Несмотря на то, что шакалы от истории натаскали на его могилу кучи мусора, память о нем сохранилась и живет в народе. Своими делами Иосиф Джугашвили-Сталин доказал, что он не против России, а против тех, для кого Россия – «охапка хвороста, брошенная в костер революции» или кормушка, из которой можно вкусно жрать, а потом туда же и гадить. На приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 сентября 1945 года Сталин сказал: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа – потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Сталину удалось сделать то, что весь мир считал невозможным. У нас такая же задача, только ее надо выполнить на четверть века раньше. Я думаю, мы сумеем договориться, и такой боец в наших рядах нам не помешает. Вот узнаете его лично и сами все поймете – воистину великий человек.

Потом, когда все разошлись, я попросил у Александра Васильевича книгу про Джугашвили-Сталина и читал до самого утра... Безотносительно к его политическим убеждениям у меня сложилось впечатление, что это великий человек, который действительно сможет совершить невозможное. Но сумеют ли потом ужиться в одной берлоге два медведя? Не получится ли так, что после спасения России от всех ужасов наши друзья начнут поддерживать не государя-императора Николая Александровича, а своего кумира, товарища Сталина? Не выйдет ли из этого еще более страшная смута?

Но с другой стороны, действительно, Россия еще не спасена, и к ее спасителю надо приглядеться получше. А вдруг он действительно, как посадский человек Кузьма Минин, сумеет вовремя отойти в сторону и найти себе полезное дело, не претендуя на верховную власть? Впрочем, это еще все впереди, в случае чего я предупрежден и сумею распознать опасность.

С этой мыслью я и заснул.

24.02.1904. Полдень. Квантунский полуостров. поезд литер А. Великий князь Александр Михайлович

Состав еле тащится, петляя между невысокими горами. Позади уже остался поворот на порт Дальний, любимую игрушку господина Витте. За окнами моросит мелкий дождь, временами переходящий в мокрый снег. Наохлившись мокрые вороны на голых ветвях деревьев... Типично питерский пейзаж за окном время от времени скрывается за пеленой тумана. Природа мрачна и уныла.

Еще час-полтора пути – и мы будем в Порт-Артуре и, наконец, закончим это хождение через всю Россию, от которого изрядно устали. Но все относительно, и даже наша усталость: каково, скажем, приходилось путешественникам в прошлом, когда еще не было железной дороги? И при Петре Великом, и при Екатерине II, и при Николае I гонцы из Петербурга скакали на перекладных через всю Россию больше года, а иногда и поболее. Прогресс делает мир меньше, в этом наши потомки правы. С трудом, но могу себе представить путешествие из Петербурга во Владивосток в виде десяти-двенадцати часов комфортабельного полета над облаками. Но и тогда, наверное, по прибытии путешественники будут чувствовать определенную усталость.

Последний час пути – обычно он самый тяжелый. Ваш покорный слуга, Михаил, Ольга – все приготовились к концу путешествия и немного взволнованы. Михаил – чисто выбритый, затянутый в мундир поручика кирасирского полка и трезвый как стеклышко – одну за одной нервно курит папиросы. Хрустальная пепельница в салон-вагоне вся заполнена окурками. Что у него сейчас перед глазами, какие уроки он извлек из прочитанного и увиденного, какие клятвы дал сам себе?

Ольга, с простой прической, в дорожном платье, невидящим взглядом смотрит в окно. Что она там видит, никто не знает. Не очень-то приятная судьба ожидала ее в будущем. А самое главное – каково ей было быть последней из настоящих Романовых, заброшенной на старости лет в далекую Канаду? Я прочитал, что ТАМ она умирала в полном одиночестве. Мужа схоронила еще раньше, а дети ее, так никогда и не видевшие Россию и с рождения ставшие европейцами, бросили мать, забыв о ней. Как сложится ее судьба теперь – абсолютно неизвестно.

Может, она погибнет от бомбы террориста в самом расцвете сил, а может, сумеет внести свой вклад в историю Российской империи... Впрочем, сие известно лишь Господу Богу. Сейчас главный для нее вопрос – сумеет ли она, как и все мы, да и как вся Россия, перебороть

свой рок. Не знаю. Перед каждым из нас стараниями потомков выстроены все наши «скелеты», извлеченные из шкафов истории. Почему-то мысли об этом лезут в голову именно сейчас.

Отец Иоанн молится за Россию, чтобы расцвела и воссияла могучая держава, за которой будущее в веках и тысячелетиях. Молится за всех нас, чтобы выполнили мы все предначертанное, уклонились от сетей дьяволовых, и чтобы мы не расточили данный нам Господом шанс устроить все наилучшим способом. Молится за Ники, чтобы у него хватило твердости и мудрости избежать искушений, не сорваться в грех отчаяния и неверия. Чтобы каждый свой шаг он сверял со своим внутренним чувством православного христианина, который должен прожить свою жизнь по совести. Нет ничего хуже для Государя, чем наказание невиновных и награждение непричастных. А такое в нынешнее царствование, к сожалению, не редкость.

Под паровозный гудок поезд огибает Скалистый кряж. По левую сторону от нас на горе под дождем лениво ковыряются саперы, неспешно достраивая уже никому, наверное, не нужные сухопутные укрепления: слишком близко от города, опасно и бесполезно из-за увеличивающейся дальности осадных и полевых орудий. И особенно из-за стреляющих навесным огнем гаубиц. Прав был генерал Кондратенко, когда говорил, что Артур надобно оборонять еще на перешейках. Приедем – надо будет разобраться, почему работы не были прекращены ввиду бесполезности, да и ненужности сей затеи.

Железнодорожные пути снова повернули, и дорога пошла вдоль русла реки Луньхэ. Впереди, за завесой дождя, показались купола строящейся гарнизонной церкви, которую здесь громко называют городским собором. А прямо за ними – серая гладь Западного бассейна. Оставляя собор по правую сторону, огибаем громаду Перепелочной горы, которая уступами возвышается слева над дорогой. Все, почти приехали; справа за Западным бассейном виден Новый город, частично построенный, частично только подготовленный к закладке фундаментов домов.

Прямо перед нами – городской вокзал. Перрон застелен красной дорожкой, выстроен почетный караул, под дождем блестят начищенные до блеска медные трубы гарнизонного оркестра. Если бы выглянуло солнце, от бликов духовых инструментов можно было бы ослепнуть.

Приехали. Денщик подает адмиральскую шинель. Поезд снижает ход. Для машиниста сейчас главная задача – остановить наш вагон у специальной метки так, чтобы дорожка оказалась прямо напротив выхода. Не представляю, как можно добиться такой точности?! Только вот машинисты, которым доверяют водить поезда с членами императорской фамилии, как правило, делают это легко, не задумываясь.

Приехали! Поезд, лязгнув буферами, встал. Ковровая дорожка – точно у двери салон-вагона. Напротив – встречающие. Наместник Алексеев: борода лопатой, мундир полного адмирала. Среди встречающих он как Исаакиевский собор среди обывательских домишек. Оркестр играет «Боже, царя храни». Почетный караул. Солдаты пехотного полка, матросы, десяток спешенных забайкальских казаков, держащих в поводу низеньких мохнатых манчжурских лошадей. Коньки неказистые, но неприхотливые и очень выносливые, буквально двужильные. Есть мнение, что именно с этой породы сказочник Ершов списал своего Конька-Горбунка.

На противоположном конце строя знакомые лица. Темно-зеленая пятнистая униформа, черные береты. Под распахнутыми на груди кителями полосатые тельняшки. На руках белые перчатки. Поперек груди висят короткоствольные многозарядные карабины. Почти также были экипированы и вооружены бойцы поручика Бесоева. Как я понимаю, мы имеем честь лицезреть морскую пехоту Российской Федерации при полном параде.

Выходим. Мы идем втроем рядом, можно сказать, плечом к плечу. Ольга, только что ужасно смущавшаяся и кусавшая губы, сейчас идет с каменным лицом, выпрямив спину, будто аршин проглотила. Михаил, напротив, немножко расслабился. Только кирасирский палаш, обязательный по форме одежды, все время хлопает по сапогу, сбивая с такта. Я знаю, что чуть

сзади служба поддерживает под руку отца Иоанна. А над нами плывут звуки гимна: «Боже царя храни».

Наместник жмет мне руку.

– Ну, Александр Михайлович, с приездом. А мы вас заждались. Как доехали, надеюсь, без приключений? А то у нас тут хунхузы пошаливают...

– Не извольте беспокоиться, Евгений Иванович, – отвечаю я, – доехали нормально. Кое-что приключилось на Байкале, так то только на пользу дела. Нам с вами надо серьезно поговорить, так что давайте заканчивать с церемониями. Время не ждет.

Наместник нахмурил брови.

– Понимаю, Александр Михайлович, понимаю. Порт-Артур – городишко захолустный, скучный: одна церковь, и та недостроена, один приличный ресторан, театра нет, зато кишит китайцами и японскими шпионами. Так что поговорить нам лучше на борту вспомогательного крейсера «Ангара», который я оборудовал для своего скромного походного быта. Не откажите, воспользуйтесь гостеприимством. Все равно в городе размещаться бессмысленно, послезавтра выходим в поход, будем сопровождать генерала Кондратенко с дивизией, выдирать у микадо последние перья из хвоста. Вы ведь собирались идти с нами? Не беспокойтесь, вещи ваши на «Ангару» доставят попозже. – Наместник посмотрел на отца Иоанна. – Отче, благословите наши начинания. С Божьей помощью началось все удачно, так что надо попросить у Всевышнего, чтобы так же удачно все и закончилось.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... – Иоанн Кронштадский троекратно перекрестил сначала Наместника, потом нас, потом офицеров свиты, потом солдат и матросов почетного караула, – ...и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь...

– А куда поход-то? – проявил интерес Михаил, как только отец Иоанн закончил благословение. – Надеюсь, в Токио?

Наместник Дальнего Востока бросил на наследника престола острый взгляд.

– А я, дорогой Михаил Александрович, и сам не знаю. Не доверяют мне союзнички, мудрят. Говорят, что в моем штабе завелся нехороший человек, который все наши планы японцам докладывает. Поймают – прикажу судить мерзавца и вздернуть на виселице. Но не об этом сейчас разговор. – Наместник обернулся и кивком указал на офицера в шинели незнакомого покроя, и с двухпросветными погонами при двух звездах. – Ваши Императорские Высочества, позвольте представить вам капитана 2-го ранга Гостева Алексея Викторовича, можно сказать, посла адмирала Ларионова при моем скромном дворе. Ему тоже желательно принять участие в нашем разговоре...

– Разумеется, – кивнул я. – Надеюсь, у вас есть постоянная связь с контр-адмиралом Ларионовым?

– Связь мы держим, через крейсер 2-го ранга «Сметливый», – ответил Наместник, – через наши радиостанции с ними не связаться. Если желаете...

– Пока рано. – Я огляделся. – Где у вас тут катер, давайте пройдемся. Не стоит мокнуть под дождем, тем более что с нами дама. Отправкой на вашу яхту наших вещей и сопровождающих будет заниматься мой адъютант, Карл Иванович Лендстрем. Вы там отдайте распоряжение, чтоб ему не чинили препятствий, и еще где-то в городе надо разместить сопровождавших нас в поездке взвод лейб-кирасир и взвод ахтырских гусар.

– Конечно-конечно, – наместник кивнул своему адъютанту, – вот лейтенант фон Бок, сделает все в лучшем виде. А теперь прошу на катер, господа, дождь и вправду усиливается.

24.02.1904. Ранний вечер. Внешний рейд Порт-Артура, Вспомогательный крейсер «Ангара».

Великий князь Александр Михайлович.

«Ангара» стояла на якоре неподалеку от Электрического Утеса. В пяти кабельтовых от «Ангары» стоял на якоре крейсер 2-го ранга «Сметливый». Его низкий, устремленный вперед силуэт резко контрастировал с современными кораблями, имеющими высокие тонкие трубы и украшенный массивным шпиром нос. Как и во всем прочем – ничего общего.

На мой вопрос о шпире командир «Сметливого» загадочно усмехнулся и ответил:

– Случилось так, что в 1866 году при Лиссе один итальянский дурак позволил другому дураку, только австрийскому, таранить свои корабли, будто в античной греко-персидской битве при Саламине. И после этого полсотни лет все военно-морские державы мира исправно украшали носы своих кораблей шпирами. И за эти пятьдесят лет ни разу таран не применялся в морских сражениях. Зато своих кораблей отправили во время столкновений немерено. Даже минные аппараты на броненосце или крейсере – архитектурное излишество. Ни один корабль не подпустит равного себе по классу на дистанцию пуска мины Уайтхеда. Оставьте тараны историкам, а минные аппараты миноносцам, подводным лодкам и минным катерам. Но все равно – красавцы!

Стоя на палубе, мы с ним наблюдали за тем, как в море, за скалой Лютин Рок, маневрировали пять броненосцев Тихоокеанской эскадры и броненосный крейсер «Баян». За ними стелился густой шлейф черного дыма. Время от времени гремели залпы орудий, и вокруг деревянных щитов вставали всплески практических снарядов. С началом войны эскадра наверстывала время, восстанавливая навыки, потерянные за время нахождения в вооруженном резерве.

– Не великовата дистанция для стрельбы, Евгений Иванович? – обратился я к стоящему рядом Наместнику. – Там ведь кабельтовых двадцать пять – это не по наставлению?

Наместник усмехнулся.

– Так, сначала наши друзья требовали вести стрельбы на дистанции до сорока кабельтовых. Именно на такую дистанцию учились стрелять японцы. Так ведь, Алексей Викторович?

– Так-то оно так... – прищурился кап-два Гостев, – только это не японский, а британский стандарт, и двенадцатидюймовые фугасные тонкостенные снаряды с удлинением в четыре с половиной калибра – тоже их изобретение. Только начинают они их не капризной шимозой, а спокойным тротилом. А в связи с напряженной международной обстановкой Британия – наш следующий вероятный противник.

– Четыре с половиной калибра... – Мне показалось, что я ослышался. – Так ведь они...

– Кувыркаться будут? – подсказал Гостев. – Да, Александр Михайлович, они и кувыркались: чуть нарезы медью с поясков забьются – угловая скорость на выходе из ствола падает, и такой снаряд превращается в городошную битку. Крутится в полете и летит наугад – на кого Бог пошлет. Между прочим, снаряды эти видны в полете невооруженным глазом. Тоже, наверное, еще то зрелище.

Дискуссию прервал вахтенный офицер «Ангары», лощенный мичман, бесшумно появившись за спиной Наместника. Немного грассируя, он произнес:

– Ваше Высокопревосходительство, лейтенант фон Бок просил передать, что в салоне все готово. Стол накрыт.

Легким кивком Наместник дал мичману понять, что он его услышал. Потом Алексеев повернулся в нашу сторону.

– Прошу, господа, отведаем, что Бог послал.

Сегодня вечером Наместнику Бог послал весьма разнообразную, хотя и постную пищу. Что поделаешь – Великий пост. Отец Иоанн прочел молитву, и мы приступили к трапезе. Между делом завязался легкий и вроде ни к чему не обязывающий, но очень важный разговор. Я понимал, что здесь, в этом роскошно отделанном салоне, представлены три силы, формально дружественные друг другу, но сейчас просчитывающие все варианты, и прощупывающие почву для возможного союза.

Во-первых, это мы – те, кого послал на Дальний Восток Государь. И представляем, как выразился капитан 2-го ранга Гостев, «Центр». Наша цель – обращение всей этой ситуации к вящей славе России, к расширению ее границ после поражения Японии. И, самое главное – предотвращение будущей катастрофы, которая ждет Империю. Никто из нас, фигурально говоря, не хочет ни в Ипатьевский подвал, ни в парижские таксисты. Не хотим мы и кровавой смуты для России, которую Бог вручил однажды нашему общему пращуру Михаилу Федоровичу Романову.

Во-вторых, это наш гостеприимный хозяин, адмирал Алексеев. Хотя он и является Наместником Е.И.В. на Дальнем Востоке, но на его деятельность и дальнейшие планы в значительной степени влияют чисто местные соображения. Кроме того, он обижен на Государя за ту безобразовскую интригу, что была разыграна за его спиной и которая в конечном итоге и привела к войне. Имя Государя невольно оказалось заляпано грязью, которая сопровождала всю деятельность этих господ. Каюсь, и я оказался причастен к тому, что устроили Безобразов, Абаза и стоявший за их спиной Витте. Но у меня хватило ума вовремя оставить их гнусную компанию.

Кроме того, возможность поражения и последующей за ним катастрофы также волнует Евгения Ивановича. Но гораздо меньше, чем нас, поскольку у таких, как он, наместников существует иллюзия того, что, дескать, пока столица бунтует, они сумеют отсидеться в своей глуши.

В-третьих, здесь находится капитан 2-го ранга Гостев, представляющий контр-адмирала Ларионова. Это тоже сила, и еще какая – в считанные дни нанести поражение Японской империи на море и частично на суше, взять под контроль Корею и приступить к экономическому удушению Японских островов. Сказать честно, адмирал Ларионов нравится мне все больше и больше. Приняв один раз решение, он дальше действует быстро и неудержимо, вкладывая в удар точно рассчитанную мощь. У него во всей этой истории есть одна основная и одна запасная цель. Первую нам ясно и недвусмысленно на Байкале высказали госпожа Антонова и капитан Тамбовцев. Это предотвращение Смуты и превращение Российской империи в самую мощную в мире державу. Достичь этой цели можно только при безоговорочном сотрудничестве с властями Российской империи, как они говорят, выполняя уже обкатанную программу «от сохи к атомной бомбе». Только на четверть века раньше, когда весь остальной мир еще не готов к таким рывкам.

Если же мы, Романовы, на такое сотрудничество не пойдем, то, во-первых, мы будем, как и в ТОТ РАЗ, прокляты в веках, а во-вторых, Ларионов и его компания здесь, на Дальнем Востоке, образуют мощное технократическое государство, которое сможет в случае Смуты восстановить порядок в Империи. А то, что такая Смута будет, не сомневается уже никто из «посвященных». Слишком много горячего материала, слишком много инфантильных дураков, которым по недомыслию дали спички, и слишком много желающих устроить пожар, чтобы устранить конкурента.

Вот в этом запасном варианте им и пригодятся хорошие отношения с Наместником, ибо ресурсы только Кореи – это одно, а Корея с Дальним Востоком и Восточной Сибирью – это совсем другое. Вот и думай тут, как все это объединить и соблюсти... Хотя что тут думать: размышлял я уже об этом. Надо выполнять их «План А» и повторять все, что делал господин Сталин, конечно, адаптируя к нашим условиям. Придется заняться искоренением казнокрадов, мздоимцев и жуликов всех мастей. Не стоит забывать о неистребимой породе интеллигентствующих болтунов, призывающих сделать в России все «как у них». Для таких и солнце встает с Запада. Эти особи мне тоже противны, хотя к таковым и принадлежат два моих родных брата. Увы, в семье не без урода, забыли они заветы родного деда о том, чем должен отплатить России человек, принадлежащий к дому Романовых.

Первой томительную тишину за столом нарушила Ольга. Отодвинув тарелку, она искоса взглянула на капитана 2-го ранга Гостева и спросила его:

– Алексей Викторович, скажите, вы женаты?

– Нет, Ольга Александровна, – аккуратно промокнув губы салфеткой, ответил тот. – Было в молодости такое намерение, но как-то не срослось... увы, или к счастью – не знаю, но она ушла к другому.

Брови Ольги поднялись в изумлении. Было видно, что незнакомое в нашем времени словосочетание «не срослось» поставило ее в тупик. Потом в глазах у Ольги появилось понимание, и она кивнула.

– А скажите, неужели вы так и не нашли другой?

– Ольга! – с осуждением воскликнул Михаил, – ты становишься бестактна. Неужели нельзя найти других тем для разговора за столом?

Ольга покраснела, а капитан 2-го ранга Гостев пожал плечами.

– Ну почему же, Михаил Александрович, можно и удовлетворить любопытство вашей сестры. Дело в том, что найти в наше время нормальную жену для такого человека, как я, было почти невозможно. Не каждая могла выдержать жизнь с человеком, которого древние греки выделяли в особый вид. Помните, они делили всех на тех, кто жив, на тех, кто умер, и на тех, кто ушел в море...

Наступившая за этими словами пауза позволила Михаилу переменить тему.

– Скажите, – обратился он к Гостеву, – вы действительно считаете, что именно сейчас англичане ввяжутся в войну на стороне уже побежденной Японии?

– Мы не думаем, что это будет война – со всеми ее атрибутами: наступлением, стрельбой и рукопашными, – ответил тот, – у британцев нет пока для этого возможности. Но вот всяческих провокаций с их стороны ждать следует, ибо ситуация для них сложилась просто невыносимая. Англичане понимают, что не в силах победить нас здесь, на Дальнем Востоке. Ведь очевидно, что в случае прямого столкновения с нами их эскадра, базирующаяся в Вэй-хайвэе, неминуемо разделит судьбу флота адмирала Того. Поэтому они обратят свои взоры на Санкт-Петербург. Мы в курсе тех шагов, которые предпринимает Государь, и они во многом отличаются от того, что происходило в нашей истории. Но мы боимся, что англичане поступят с ним так же, как и с вашим прапрадедом Павлом I в аналогичной ситуации. И если не будут предприняты экстренные меры по охране Императора, боюсь, может случиться непоправимое. В России уже орудует маленькая, но свирепая армия бомбистов-террористов, которые с фанатичным упорством готовы убивать высших лиц государства, включая и членов правящей фамилии. И если Государь откажется от помощи и советов наших товарищей – тех, что уже выехали в Санкт-Петербург – то боюсь, ему не миновать судьбы императоров Павла I и Александра II. И тогда...

Михаил посмотрел прямо в глаза пришельцу из будущего и твердо сказал:

– Алексей Викторович, после разговора с госпожой Антоновой и капитаном Тамбовцевым я твердо решил, что если так случится и трон перейдет ко мне, я не отрекусь, и да поможет мне Бог!

Гостев склонил голову.

– Спасибо, Михаил Александрович, мы учтем ваши слова. Будем надеяться, что все обойдется и ваш брат с помощью наших товарищей сумеет избежать всех угроз. А британцы, подстрекающие террористов, должны запомнить, что мы не останемся в стороне. Мы сможем адекватно ответить им ударом на удар.

На глазах у Ольги появились слезы.

– Бедный Ники, бедные девочки... Они ведь даже не подозревают о тех страшных опасностях, которые их подстерегают...

– К сожалению, Государь довольно легкомысленно относится ко всем нашим предупреждениям, – сказал Наместник. – По просьбе контр-адмирала Ларионова я несколько раз предупреждал его об угрозе, исходящей от террористов. Но его Величество каждый раз отвечал

мне, что принятие чрезвычайных мер безопасности стало бы признаком трусости, неуместной для Помазанника Божия.

Капитан 2-го ранга Гостев мрачно кивнул.

– К сожалению, Император Всероссийский пока не проникся всей серьезностью происходящего. Мы можем лишь надеяться на то, что все обойдется. На все воля Божья...

– Пути Господни неисповедимы, – подал вдруг голос молчавший все это время отец Иоанн. Он перекрестил капитана 2-го ранга Гостева. – Я вижу ваше горячее желание помочь России и благословляю на это и вас, и ваших товарищей, и вашего командира. И ныне, и присно, и во веки веков – Аминь! И помните: судьба каждого из нас в руке Божьей, и ничего еще не решено. И не плачьте об ушедших в Царствие Небесное праведниках, но радуйтесь, ибо они в раю, а нам еще предстоят труды и муки. Смерть за Россию смывает все грехи, ибо в Евангелии от Иоанна говорится: «Больше сея любви никто же имеет да кто душу свою положит за други своя». Мученику суждено блаженствовать в раю, а его убийцы попадут в ад. Аминь!

Расстались мы в несколько мрачном расположении духа. Из нашей застольной беседы стало очевидно, что дело легким не будет. Соппротивление неприятелей России, понявших, что жертва выскальзывает из их удушающих объятий, будет нарастать с каждым днем. И с нашей стороны понадобятся столь же яростные усилия, чтобы выиграть эту битву. Надеюсь, наших сил на это хватит...

25.02.1904. Утро. Внешний рейд Порт-Артура, Вспомогательный крейсер «Ангара».

Великая княгиня Ольга Александровна.

После вчерашнего ужина, завершившегося для Ольги некоторым афронтом, она, немного погуляв по палубе в компании компаньонки, ушла к себе и долго плакала. Добрая Арина утешала ее как могла, но все было бесполезно: сегодня она впервые в жизни ощутила себя не Великой княжной, а просто женщиной, которой мужчина может сказать не только «да», но и «нет». Капитан 2-го ранга Гостев искренне ей понравился. Алексей Викторович умен, импозантен, храбр, и за словом в карман не лез. Попытавшись с ним невинно пофлиртовать, она вдруг напоролась на каменную стену отчуждения, облитую ледяной вежливостью. Судя по всему, он был одним из тех командиров, что женаты на своих кораблях.

Выплакавшись, Ольга включила ноутбук и села читать случайно обнаруженный в библиотеке дамский роман «Саня или двойная свадьба» писательницы Марины Львовой из будущего. Первоначально намереваясь потратить на это дело не более четверти часа, чисто для успокоения нервов, по ходу чтения Ольга увлеклась и в один присест проглотила роман до конца. Это было окно в другой мир. Люди в нем были чужды нынешней России – почти как марсиане Уэлса. Но при этом они оставались русскими людьми: об этом говорили все их мысли и поступки. Однако это были какие-то другие русские. Это было общество, уничтожившее сословные различия, общество, как ей показалось, равных возможностей. Главный герой, Максим, почему-то показался Ольге похожим на капитана 2-го ранга Гостева. Ну да, Максим же отставной офицер – возможно, отсюда и сходство.

Посидев и поразмышляв еще немного, Ольга разделась и нырнула под одеяло. Несмотря на сильную усталость, и сон не шел. Потом незаметно для себя дочь Александра III провалилась в объятия Морфея. Сны Ольги Александровны были далеки от снов Веры Павловны. Всю ночь она металась по постели, то обнимая несчастную подушку, то сжимая ногами скомканное одеяло. К утру перина выглядела так, будто на ней прошло учения эскадрона подшефных ей Ахтырских гусар. Неизвестно, что было тому виной: гормональная атака молодого организма, желающего выполнить наконец программу, заложенную в каждую женщину: влюбиться, зачать от любимого, и родить ему ребенка, либо же дамский роман с не самой скромной сценой в конце... А может, одно наложилось на другое... Ольга не знала точно. Но проснулась она вся

мокрая, в ночной рубашке, задранной к подмышкам, и с сердцем, бухающим у самого горла. Одернув рубашку, она как была упала на колени – замаливать свой грех. И тут, посреди жаркой молитвы, ей привиделся Папа – Император Александр III. Он положил свою огромную ладонь на голову непутевой дочери и сказал: «Замуж тебя надо, доченька, за нормального человека, а не за это «облако в штанах». Муж тебе нужен такой, чтоб рука была тверда, а глаз остер, сердце чтоб было верное. Ищи – и сыщешь избранника Божия...»

Обернувшись, Ольга увидела, что, кроме нее, в каюте никого нет – да и быть не может, ведь дверь заперта на защелку. Но она явственно помнила такое знакомое ощущение тяжелой и ласковой отцовской руки на своей голове, слышала его родной голос. Чудо? или выверты женского сознания, находящегося в фазе перегрева? Наскоро умывшись из небольшого умывальника, Ольга колокольчиком позвала Арину – одеваться.

Долго ли, коротко ли, но их Императорское высочество оделось, причем почти без посторонней помощи. Почти – это потому что белье и костюм знатной дамы того времени априори подразумевали, что надевать и снимать их хозяйка должна лишь с посторонней помощью. Управившись с платьем, девушки набросили на плечи дорожные пальто и поднялись на палубу подышать свежим воздухом.

Часовой у трапа отсалютовал ее Императорскому Высочеству, взяв винтовку на караул. Стояло раннее утро, воздух, казалось, остановился: ни дуновения ветерка. Огромное красное солнце только-только поднялось над горизонтом. Над поверхностью моря, как табачный дым в курительной комнате, слоями колыхался туман. Все вокруг было покрыто мельчайшими капельками воды. Ольга не раз ходила на морские прогулки на императорской яхте – сначала с отцом, а потом и с братом, поэтому вся картина была ей не в новинку.

В новинку было другое. На палубе стоящего неподалеку «Сметливого» происходило некое действо, походившее на обычную полковую утреннюю гимнастику примерно так же, как пляски папуасов кивай – на балет в Мариинском театре. Взгляд Ольги завораживали ритмичные движения, которые под бодрые выкрики производили раздетые до пояса мускулистые мужчины. Ольга торопливо достала из ридикюля маленький театральный бинокль, которым специально запаслась, готовясь в эту поездку (а то вдруг надо будет что-то разглядеть, а подойти ближе не получится). Вот как сейчас: ближе подойти никак, разве что подплыть. Только вот зрелище дочери русского Императора, барахтающейся в ледяной воде – не лучшее решение для роста престижа династии.

Ольга подняла бинокль к глазам. На нее снова нахлынуло ночное наваждение. Покрытые потом мускулистые тренированные тела – Ольга зябла в пальто, а этим парням, отрабатывающим блоки и удары, было жарко, будто в июньский полдень. Черные береты да заправленные в высокие ботинки пятнистые штаны были их единственной одеждой. Ольгу завораживала рельефная мускулатура бойцов, будто вышедшая из-под резца Микеланджело. Великая княжна кое-что понимала в мужских телах – конечно, теоретически. Это не были ни пахари, ни грузчики: такой тип мускулатуры развивается после долгих занятий. Таковы были воины античности – щитоносцы и копейщики, таковы были викинги, посвящавшие войне и подготовке к ней всю жизнь. Занятиями руководил такой же мускулистый, как и бойцы, высокий офицер. Он один командовал, а другие ему подчинялись. Именно поэтому Ольга и решила, что это командир – скорее всего, поручик-подпоручик, судя по тому, что она видела перед собой взвод. Он был красив какой-то дикой красотой, силен, интересен...

Со вздохом Ольга опустила бинокль. Еще немного – и ее безликое ночное наваждение начнет обретать видимые контуры.

За завтраком стул, который вчера занимал господин Гостев, оказался пустым. Не успела Ольга удивиться, как в салон вошел высокий офицер, затянутый в черный мундир незнакомого покроя. Три маленьких звездочки на погоне с одним просветом выдавали его чин – поручик, и принадлежность к русскому воинству. На черном фоне кителя четко выделялся знак ордена

Святого Георгия 4-й степени. Сняв свой черный берет, поручик склонил перед присутствующими коротко подстриженную голову.

– Ваши императорские высочества, ваше высокопревосходительство, прошу прощения за небольшое опоздание, задержался по делам службы.

Наместник Алексеев кивнул головой, давая понять, что молодой человек замечен и прощен.

– Ваши императорские высочества... – Алексеев посмотрел на Сандро, Михаила и Ольгу, – позвольте представить вам героя дела при Элиотах, поручика морской пехоты Никитина Сергея Александровича.

Сандро и Михаил по очереди пожали поручику руку. Но когда он подошел к Ольге, та вздрогнула и как-то неловко подала руку для поцелуя.

– Их Императорское Высочество сегодня утром наблюдала нашу разминку, – сказал поручик, коснувшись губами воздуха над ее рукой, – и нечаянно увидела наше «Лицо, Обращенное к Врагам». Признаюсь, зрелище не для слабонервных. Но, надеюсь, я прощен?

– Да... – пробормотала Ольга и неожиданно для себя покраснела.

Дальнейший завтрак проходил для Ольги как во сне. Время от времени она поглядывала на сидящего напротив поручика и заливалась краской. Наместник Алексеев воспользовался случаем и, поглядывая на Ольгу, принялся своими словами, но довольно близко к тексту, излагать боевое донесение командира крейсера «Баян» Роберта Петровича Вирена о деле при Элиотах. И поручик Никитин в этом изложении выходил полубогом, а его бойцы – дружиной былинных героев, наполовину перебивших, наполовину пленивших вдесятеро превосходящий их японский гарнизон островов. Сам же поручик при всех похвалах в свой адрес делал каменное лицо и притворялся, что разговор вообще не о нем. Ольга, напротив, все больше смущалась.

Выручил ее Михаил. Едва дождавшись конца изложения военных подвигов, он вдруг сказал:

– Господа, я долго думал о своем положении среди вас. Я не дипломат, как Сандро, и не могу принести России пользы на этом поприще. Также, в отличие от моей сестры, я мужчина, и честь не позволяет мне находиться в стороне, когда идет война. Я не моряк, и не могу принести пользы на корабле... Возможно, мне однажды придется стать императором, но как я могу командовать, если не умею подчиняться? Господин Никитин, прошу взять меня на обучение в вашу часть...

В салоне повисла тишина. Ошарашены были все: и Сандро, и Наместник, но в первую очередь Ольга. С лица поручика морской пехоты соскользнула маска вежливой любезности и он серьезно сказал:

– Поздравляю вас, ваше Императорское Высочество, это шаг не мальчика, но мужа. Я, конечно, доложу адмиралу Ларионову, но не вижу каких-либо причин, способных воспрепятствовать вашему желанию. Попрошу вас прибыть на «Сметливый» за час до полудня, там вас осмотрит корабельный врач и сделает некоторые анализы.

– Я абсолютно здоров, господин поручик, – вспыхнул Михаил.

– Это стандартная процедура, – успокоил его Никитин, – без этого мы не сможем разрабатывать для вас индивидуальный курс подготовительных тренировок. Уж поверьте, вылепить из вас настоящего морского пехотинца будет стоять немалого труда, и в первую очередь для вас самого. Легко не будет, это я вам обещаю. Не уповайте на то, что вы и так всю жизнь в строю. Ваши навыки кавалериста вам почти не пригодятся. Но, зная ваше упорство и желание, думаю, что шанс у вас имеется. – Поручик морской пехоты пожал руку наследнику Российского престола. – Думаю, что в старости я буду гордиться тем, что когда-то был вашим наставником. Честь имею!

– Честь имею, господин поручик, – ответил успокоившийся Михаил. – Думаю, что ни я, ни вы не пожалеете об этом решении.

Остаток завтрака прошел почти в абсолютном молчании, даже Наместник стал вдруг молчалив и задумчив. Как грозная туча, на хрупкий мир накатывались грозные события, только никто не мог сказать, какие именно...

**25 (12) февраля 1904 года. Полночь. Тверь. Поезд литер А.
Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.**

Вот так, «с шутками и прибаутками», и доехали мы до Первопрестольной. Но в ней останавливаться не стали. Обогнув Москву по кольцу, наш поезд вышел на ветку, ведущую к Питеру, и бодро помчался к цели нашего затянувшегося путешествия.

Я стоял у окна и смотрел в ночную тьму. Почему-то вспомнилась поэма Некрасова, посвященная этой железной дороге. И слова:

*Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –*

*Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...*

Да, думы в голову лезут разные. Мы уже на финишной прямой. Еще немного – и мы в моем родном городе. Как там нас встретят? Не думаю, что плохо, но все равно кошки скребут на душе.

Видимо, мое настроение передалось и Нине Викторовне. Она тихо подошла ко мне сзади, и шепнула на ухо:

– Васильич, не волнуйся, все будет хорошо! Ведь мы провалились на сто лет назад не для того, чтобы завалить свою миссию. Должна же быть во всем этом какая-то высшая справедливость!

Я покивал головой, соглашаясь, и продолжал смотреть в окно. Поезд миновал Клин. Мелькнули тусклые станционные фонари, закутанный в башлык жандарм на перроне – и снова за окнами темнота. Опять вспомнился Некрасов:

*Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!*

*Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.*

Отчего-то сжало сердце. Ох, и часто оно стало у меня шалить в последнее время. Вроде не старый еще, а вот...

Скоро Тверь. Здесь наш поезд постоит некоторое время в ожидании смены паровозов и проверки букс и колес. Бывал я и в советском Калинин, и в постсоветской Твери. Красивый город, и Волга в нем такая маленькая-маленькая, даже по ширине меньше нашей Невы.

Вот и бывший стольный город Великого княжества тверского... Однако уже полночь. Поезд дал гудок и стал притормаживать. Перрон был пуст. Похоже, к прибытию нашего «литерного» здешние полицейские и жандармы удалили всех припозднившихся пассажиров, дабы избежать каких-либо роковых случайностей. Да и лишние глаза, которые могут заметить нашу чудо-технику на платформах, тоже ни к чему.

Поезд остановился. Наши караульные уже привычно высыпали из своих теплушек и окружили состав. Постукивая молоточками по колесам и буксам, вдоль вагонов пошли осматривающие.

Неожиданно на перроне появилась странная процессия. Впереди шел высокий и плотный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти. Одет он был в долгополую медвежью шубу и купеческую шапку из бобра. Сзади за ним шел жандармский унтер-офицер, неся в руке большой чемодан. Сквозь оцепление эта «сладкая парочка» прошла легко, как горячий нож через масло. Они явно направлялись к нашему салон-вагону.

– Нина Викторовна, к нам, кажется, гости, – негромко сказал я.

– Какие еще гости? – не поняла меня поначалу дремавшая в мягком кресле Антонова.

Но тут же у нее сработал выработанный годами службы рефлекс. Наша бравая начальница мгновенно «навела резкость», и рука ее быстро скользнула в сумочку. Раздался едва слышный щелчок. Нина Викторовна сняла с предохранителя свой ПМ. Я знал, что теперь в течение доли секунды она сумеет выхватить оружие и открыть огонь на поражение. Я погладил свою слегка оттопыривающуюся полу куртки. Мой ПМ висел на поясе в «облегченке». Достать его я сумею за пару секунд.

Словно из-под земли, за нашими спинами выросла фигура старшего лейтенанта Бесоева. Он стоял, заложив руки за спину. И я был уверен на сто процентов, что в правой руке у него был готовый к бою «стечкин».

Тем временем в тамбуре раздалось топанье. Незванный гость по-хозяйски сбивал снег со своих сапог. Потом послышалось вежливое покашливание, и в салон вошел уже освобожденный от шубы и шапки пожилой мужчина в партикулярном костюме. Но было видно, что ему привычней носить военную форму. Несмотря на его простецкий внешний вид, чувствовалось, что этот человек – начальник, причем большой.

– Господа, извините за столь поздний визит, – сказал незнакомец. – Но дела государственной важности заставили меня нарушить ваш покой.

Я лихорадочно вспоминал. Лицо этого господина было мне смутно знакомо. Вспомнил! Ого, вот так птица к нам прилетела! Считается с нами царь-батюшка, если прислал на ночь глядя такую важную особу...

– Ничего страшного, Евгений Никифорович, – сказал я господину в штатском, который обомлел, услышав мои слова, – служба есть служба...

– Господа, – повернулся я лицом к своим спутникам, одновременно им помигивая, – разрешите вам представить... – я снова повернулся к нашему гостю, – Его Превосходительство генерал-майор Ширинкин Евгений Никифорович, начальник Дворцовой полиции.

– Да, господа, – произнес пришедший в себя генерал, – не ожидал, не ожидал... Скажите, у вас меня до сих пор помнят?

– Помнят, но не все, а только те, кому по должности положено, – лаконично ответил я на вопрос Ширинкина. – Ваше Превосходительство, позвольте представить главу нашего, так сказать, посольства – полковника Антонову Нину Викторовну и поручика Бесоева Николая Арсеньевича. Ну а я – капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

– Ну, вот и познакомились! – довольно потирая руки, сказал генерал Ширинкин. – Давайте, выпьем за знакомство. – Он повернулся в сторону тамбура. – Эй, Павел, давай сюда быстро, накрывай на стол!

В салон вошел жандармский унтер. Он открыл чемодан и с ловкостью опытного «халдея» стал выкладывать на стол разные вкусняшки, салфетки, столовые приборы и тарелки с рюмками. В довершении всего на стол была водружена литровая бутылка «Смирновской».

– Господа, прошу к столу, – сказал генерал. – И оставьте, наконец, в покое ваше оружие – вы, мадам, и вы, молодой человек. Да и вы, господин капитан, снимите кобуру, она вам будет мешать за столом.

Оценив профессионализм Ширинкина, мы сели за стол и налили по рюмке. По воспоминаниям современников я знал, что генерал был человеком хлебосольным и любил застолья. Но мои спутники поглядывали настороженно на начальника Дворцовой полиции и не спешили брать рюмки.

Заметив это, Ширинкин усмехнулся и, произнеся краткий тост: «За знакомство!», лихо опрокинул рюмку себе в рот.

«Школа генерала Черевина, – вспомнил я, – бывший начальник Ширинкина, генерал-адъютант Петр Александрович Черевин, начальник охраны императора Александра III, славился своей любовью к «зеленому змию»».

– Господа, я совершил этот вояж совсем не из желания раньше всех познакомиться с вами, – неожиданно серьезно заговорил генерал Ширинкин. – Скажу прямо, по нашим агентурным данным, представители некоторых иностранных держав очень интересуются вами, а также образцами боевой техники, которые вы везете с собой. Скажу больше: было предпринято несколько попыток совершить диверсии по пути вашего следования. Но коллеги из жандармского управления, сопровождавшие ваш путь, сумели предотвратить эти диверсии. Хочу вас сразу предупредить – аналогичные попытки будут предприниматься и в дальнейшем. Так что, выполняя прямое приказание Государя, я и мои подчиненные будем вашими ангелами-хранителями на протяжении всего вашего пребывания в Санкт-Петербурге. Я знаю, что ваши люди, Нина Викторовна, прекрасно стреляют и владеют приемами борьбы – как она называется, джиу-джитсу? Нет? Ни и ладно, в общем это не имеет никакого значения. Но вы плохо знаете наши реалии и не знаете тех из опасных бомбистов, кто представляет наибольшую для вас опасность...

Заметив, что я хочу ему возразить, генерал Ширинкин остановил меня жестом, и продолжил:

– Знаю-знаю... Вы обладаете огромной информацией о нашем времени. Но не в полном объеме. Вы не сможете действовать в толпе, не вызывая подозрений у окружающих, как мои подчиненные. Они натасканы на борьбу с террористами и дело свое знают. Поэтому, господа... выпьем еще по рюмочке и займемся делом. Будем прикидывать, как, не привлекая к себе большого внимания, попасть в столицу Российской империи и добраться до дворца Великого князя Александра Михайловича. Кажется там вы решили обосноваться?

26 (13) февраля 1904 года. Утро. Внешний рейд Порт-Артура, СКР «Сметливый».

Великий князь Александр Михайлович.

Уходящие в поход броненосцы Тихоокеанской эскадры – величественное зрелище. Правда, два самых новейших из них – «Цесаревич» и «Ретвизан» – нуждаются в ремонте после вероломного японского нападения на Порт-Артур 26 января.

Вчера мы вместе с Наместником побывали в порту. Сухой док сейчас занят крейсером «Варяг». Эту довольно ценную единицу флота можно быстро ввести в строй, и поэтому все силы мастеровых брошены на него. Для броненосцев же готовят кессоны. Говоря словами

наших гостей из будущего, «международная обстановка крайне напряженная», а потому необходимо скорейшим образом ввести корабли в строй. Очередность уже определена: «Варяг», «Ретвизан», «Цесаревич». О трофейных кораблях никто пока не задумывался. Повреждения у них тяжелые, а на ремонт нет ни времени, ни сил.

Для бесхитростно прямого борта «американца» «Ретвизана» почти готов кессон. Изящные обводы «француза» «Цесаревича» заставляют людей, занимающихся изготовлением кессона, замысловато выражаться по-боцмански по поводу бурной галльской фантазии, подкрепленной неумеренным употреблением бургундского, кальвадоса и прочих коньяков.

Восстановительными работами на «Варяге» совместно занимаются старший офицер крейсера Степанов, старший механик Лейков, и командир аварийно-спасательного судна «Алтай», капитан лейтенант Горелов. Настроение у команды такое, будто «Варяг» переживает вторую за свою бытность в строю российского флота битву не на жизнь, а на смерть. Повсюду змеятся шланги и кабели, воздух наполнен карбидной вонью, и изощренными выражениями из «изящной словесности». Причем, в этом преуспевают обе стороны – как предки, так и потомки. Кстати, благодаря помощи последних крейсер будет введен в строй примерно через месяц. С оборудованием гостей из будущего некоторые тяжелые операции выполняются в разы быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.